*ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»**

Древнерусские повести и сказания

Апофегматы — сборники светской повествовательной литературы, содержащие апофегмы — изречения, анекдоты, краткие занимательные и нравоучительные рассказы о знаменитых людях античности и средневековья. «Риторика» *Софрония Лихуда* дает следующее определение жанру апофегмы: «. . .сходится со умствованием апофегма, кроме сего, яко умствование многащи приемлется пространше, апофегма же присно есть слово кратко, круговидно, сиречь сладко и разумно. Приложи и сие, яко апофегма приемлет честь от светлых лиц, им же паче отдаются апофегмы, яко к патриархом, самодержцем, царем, послом и прочим. Сия апофегмы в каковой чести быша древле, доволно показует мудрая книжица Плутархова о апофегматах, яже Троану самодержцу подаде» (ГИМ, собр. Уварова, № 98, л. 31—31 об. — славянский перевод «Риторики» 1698 г.). Основу сборников апофегм составляли рассказы, почерпнутые из Плутарха, Овидия и других античных писателей. Возникнув еще в древности, эти полулегендарные, полуисторические компиляции были широко распространены в средневековой Европе, где пользовались большой популярностью. В составлении подобных сборников принимали участие и крупнейшие писатели Возрождения Петрарка, Боккаччо, Эразм Роттердамский. Значительный интерес к А. проявился в польской литературе, где к XVII в. существовало уже несколько подобных сборников: Рея из Нагловиц (конец XVI в.), Беняша Будного (конец XVI в.), Витковского (начало XVII в.). Особым успехом в восточнославянских литературах XVII в. пользовались «Апофегматы» Б. Будного (ум. после 1624 г.), переводчика, писателя эпохи Реформации, уроженца Литвы и, возможно, родственника белорусского мыслителя-гуманиста Симона Будного (см.: Bibliografia literatury Polskiej. Piśmiennictwo staropolskie. Państwowy Instytut Wydawniczy. 1964. T. 1. S. 60—61). Сборник апофегм Будного был дополнен материалом из истории Польши и морально-дидактическим комментарием, часто в форме сентенции. Впервые изданный в Вильно в 1599 г., он неоднократно перепечатывался в XVII в. (только в первой половине столетия вышло 11 изданий).

В России, на Украине и в Белоруссии «Апофегматы» Будного читались и на языке оригинала (о чем свидетельствуют экземпляры третьего и четвертого изданий книги в собраниях Москвы, Львова и Вильнюса), и в переводах. Из библиотеки кн. Д. М. Голицына происходит рукопись конца XVII в., в которой находится кириллическая транслитерация сочинения, предназначенная для тех, кто понимал польскую речь, но испытывал затруднения в чтении латиницы: «Кроткых а вензловатых повиесцѣ всие книги» (ГПБ, Q.XV.12). Согласно исследованию Э. Малэк, на восточнославянской почве было сделано не позднее последней четверти XVII в. два перевода «Апофегмат» Будного: первый из них отличается

* Настоящий раздел тома является продолжением «Исследовательских материалов для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“», опубликованных в т. 39 и 40 ТОДРЛ. Библиографические дополнения к статьям помещены на с. 477—478 наст. изд. (*Ред.*).

большей зависимостью от польского оригинала (близкий к архетипу список см.: П I Б 100, старый шифр — Петр. гал. 13); второй обнаруживает стремление его автора к более тщательному отысканию русских лексических эквивалентов (близкий к архетипу список см.: ГПБ, Q.XV.33). Имеется свидетельство, что в 1690—1691 гг. «Апофегматы» переводил кн. М Кропоткин (см.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. 1651—1709. СПб., 1891. С. 92).

Русские переводы А. охотно копировались полностью, из них делались также выписки. Этот довольно обширный памятник известен в сравнительно большом количестве списков конца XVII—XVIII вв.: ГБЛ, ф. 310, № 654, 659, 896; ф. 218, № 1050; ф. 394, № 31; ГПБ, Q.XV.33, Q.XV.15, Q XVII.276; БАН, П I Б 100; ГИМ, собр. Барсова, № 524, 1621, 2148, 2154; собр. Забелина, № 22 (59); Музейское собр., № 1437, 1628, 1675, 1886, 2841, 3430; Синодальное собр., № 362, 588; собр. Уварова, № 16, 353, 418, 419, 472, 674, 728, 876, 973а; собр. Щукина, № 263, 714; ЦГАДА, ф. 1274 (ф. Паниных), оп. 1, ч. 2, № 3096; ф. 381, 1579; Яросл. обл. краеведч. музей, № 525 (664). Полные русские списки произведения повторяют структуру сборника Будного и содержат четыре книги. В первой приводятся рассказы о знаменитых философах античного мира — Сократе, Платоне, Аристотеле, Диогене, Солоне, Пифагоре и пр., их изречения и поучения. Вторую книгу составляют разные истории из жизни римских императоров, аристократии, полководцев. В третьей заключаются повести о лакедемонянах. В четвертой собраны остроумные ответы и меткие слова, приписываемые известным в истории женщинам — дочери императора Августа Юлии, матери Александра Македонского Олимпиаде, польским королевам Ванде и Ядвиге и др. На всех этапах бытования в русской литературе текст «Апофегмат» Будного подвергался в руках переписчиков и редакторов изменениям. Имея общую структуру, русские списки различаются между собой заглавиями частей, составом и порядком следования отдельных рассказов, а также по стилю и языку. В некоторых списках (ГИМ, Синодальное собр., № 362; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 2, № 3096) содержание всех четырех книг членится по главам, каждая из которых посвящена отдельному персонажу: из 58 глав состоит «Апофегмат, си есть соплетенных кратких повестей книга первая, в ней же написашася повести философов»; 54 главы содержит «Кратких и узловатых повестей книга вторая, в ней же положишася словеса царей, королей, князей, воевод, сигклитик и иных старейшин»; 34 главы включает «Кратких и узловатых повестей книга третия, в ней же заключишася повести лакедемонов» и 15 — «Кратких и узловатых премудрых повестей книга четвертая. В ней же положишася гадательства честных жен и благородных дев не простых». Обнаруживая большую близость к польскому печатному изданию (в частности, к четвертому), текст произведения в указанных списках имеет ряд композиционных отличий. Материал в них, как отмечено, распределен по главам, некоторые рассказы (например, об Эмпедокле, Питусе и др.) пропущены, переданы в сокращении или переставлены местами. Так, в *старопольском издании последняя книга начинается с повествования* о Ванде и Ядвиге, в русских списках на первом месте рассказ об «Иулии», дочери императора Августа. В рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 362, содержащей такой текст сочинения, есть запись: «Трудивыйся многогрешный Никита Усачев» (л. 277 об.). Среди большинства русских списков произведения особое место занимает текст в рукописи конца XVIII в. из Музейского собр. (ГИМ), № 2841. Действующими героями в нем также являются лица античной истории, совпадают и многие анекдоты, но материал организован по алфавиту имен персонажей (от А до Ѳ) и расчленен на главы-абзацы, в названиях которых («О щедрости», «О благоразумии», «О почитании учители» и т. п.) заметна тенденция редактора к усилению нравоучительного аспекта рассказов. Данный список А. находится в одной рукописи с сочинением на латинском языке «Orbis de moribus gentium»,

занимательно-нравоучительные рассказы которого распределены таким же образом. В собрании рукописей библиотеки Московской Синодальной типографии (ЦГАДА, ф. 381, № 1579) хранится кавычный экземпляр А., в который киноварью внесена обширная языковая и стилистическая правка, направленная на усовершенствование перевода. Этот текст, готовившийся, по-видимому, для печати, содержит только три первые книги, не имеет общего названия и начинается с заглавия первой книги: «Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книга первая. Положены различныя вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и беседования различных философов древних».

Первое печатное издание А. вышло без обозначения имени автора в 1711 г. в Москве с заглавием «Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три». Оно было осуществлено по указанию Петра I («повелением же царского величества»), который, весьма вероятно, был знаком с одним из древнерусских переводов сочинения по экземпляру, имевшемуся в его личной библиотеке (БАН, П I Б, 100; см.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва; Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978. С. 22, № 25).

Новый (третий) опыт перевода был предпринят, как считает Э. Малэк, для издания на рубеже 1710—1711 гг. А. были одним из трех произведений изящной словесности, удостоившихся печати гражданским шрифтом с момента его введения (1708) до смерти Петра I. Уже во внешнем облике первого московского издания (1711) подчеркивался светский характер сочинения. По сравнению со старопольским изданием в московском отсутствует четвертая книга, а в других опущены некоторые рассказы и исторические подробности. Начиная со второго издания (1712) сборник именуется «Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучительных речей три». Перевод XVIII в. имел большой успех: только в петровское время он переиздавался пять раз (М., 1711, 1712, 1716; СПб., 1716, 1723; см.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич; Ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1955. С. 119—120, 128, 185, 194, 412), затем выходил в 1745, 1765, 1781 гг. Издание 1765 г. напечатано кириллицей в Венеции, хотя в выходных сведениях указан Санктпетербург (см.: Зернова А. С., Каменева Т. Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968. С. 527, № 1491). Многочисленные списки сочинения с печатных изданий свидетельствуют о широком интересе читателей к А. Печатный вариант текста ограничил влияние древнерусских переводов, но они все же продолжали читаться, переписывались, сравнивались с изданиями, делались также попытки их усовершенствования. Так, в рукописи ЦГАДА, ф. 1274, № 3096 переписчиком внесены поправки, имеющие целью устранение полонизмов и церковнославянизмов.

Судя по записям и заметкам на сохранившихся экземплярах произведения (как рукописных, так и печатных), читателями А. были дворяне, духовенство, купцы, крестьяне. Рукопись 70—80-х гг. XVII в., содержащая А. (ГИМ, собр. Щукина, № 714), принадлежала В. А. Жуковскому, затем находилась в библиотеке А. Ф. Онегина в Париже. Не исключено, что владельцем ее был Н. В. Гоголь: на верхней крышке позднего кожаного переплета золотом оттиснуты латинские буквы N G.

Занимательные рассказы и моральные максимы А. импонировали русскому читателю своим содержанием, служа ему одновременно и развлечением, и поучением. Демонстрируя свой ум, находчивость, изобретательность, персонажи сборника остроумно выходят из затруднительных положений, делают подчас парадоксальные заключения. Их меткие слова и сентенции выделяются в отдельные рубрики: например, «притчи благоразумнии аристотелевы», «учения его суть», «разумные его речи» и т. п. В обсуждение вовлекаются вечные темы о добре и зле, о друзьях и недругах, об уме и глупости, богатстве и нищете, о внешней красоте лица

и внутренней красоте души, о суде и справедливости, о гневе и доброте. Для русского читателя был притягателен заключенный в апофегмах нравоучительный смысл, облеченный в форму живого повествования или лаконичного совета, близкого по своей формулировке к народной пословице. Воспринимая А. как «мудрую книгу», переписчики и читатели не оставляли без внимания и ее развлекательный аспект.

А., корреспондировавшие на русской почве с морально-дидактическими сборниками афоризмов (см. «Пчела»), известными древнерусской литературе с XI в., оказали влияние на несколько поколений читателей. К этому сборнику обращались составители «смехотворных» повестей-фацеций. Некоторые темы стали темами стихов *Симеона Полоцкого* в «Вертограде многоцветном». Особенно заметно воздействие А. на русскую литературу XVIII в. Выдержки из них вошли в «Письмовник» (СПб., 1777) просветителя и педагога Н. Курганова, в «Пересмешник» (М., 1789) М. Д. Чулкова. Рассказы, близкие к А. или точно их повторяющие, включались в многочисленные рукописные и печатные сборники анекдотов, веселых и нравоучительных повестей, ставших излюбленным чтением у русского читателя XVIII в., такие, например, как «Товарищ разумный и замысловатый» (СПб., 1764), «Рассказчик забавных и увеселительных повестей» (СПб., 1777), «Спутник и собеседник веселых людей» (М., 1772), «Старичок-весельчак» (СПб., 1789) и др. Как продолжение литературной традиции А. можно рассматривать отдельные рассказы в сатирических журналах XVIII в.

Изд.: Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три. М., 1711; Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучительных речей книги три. М., 1712, 1716; СПб., 1716, 1723, 1745, 1765, 1781; Буслаев. Историческая хрестоматия. Стб. 1390—1392.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 260—262; Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 264; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 412—414; Державина О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962. С. 17, 33; Сперанский. Рукописные сборники. С. 49; Аннушкин А. И. «Апофегматы» Беняша Будного // Книга: Исследования и материалы. М., 1971. Сб. 22. С. 127—135; Małek E. 1) Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego // Studia Filologiczne WSP w Bydgoszczy. Zesz. 4: Filologia Rosyjska. Bydgoszcz, 1978. S. 7—23; 2) Bieniasz Budny w Rosji wieku XVII—XIX // Ruch Literacki. 1981. N 4—5. S. 373—380.

Л. И. Сазонова

Великое Зерцало — сборник нравоучительных рассказов и легенд, дважды переведенный с польского в последней четверти XVII в. Польская книга «Wielkie Zwierciadło Przykładów» восходит к широко распространенному в Западной Европе латинскому сборнику «Speculum exemplorum ex diversis libris in unam laboriose cellectum», впервые напечатанному в Нидерландах и выдержавшему ряд изданий с 1481 по 1519 г. (П. В. Владимиров. 1884. С. 5; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин. Киев, 1914. С. 5—6 (резюме работы С. Ф. Шевченко)). «Speculum» составлен неизвестным по имени монахом ок. 1480 г. как сборник «примеров» (exempla, приклады) для католических проповедников и содержит 1266 рассказов. На рубеже XVI и XVII вв. ученый иезуит Иоанн Майор дополнил «Speculum» 160 новыми примерами, расположив весь материал по рубрикам в алфавитном порядке и добавив в отдельных случаях собственные комментарии. Сборник И. Майора («Speculum Magnum exemplorum. . .»), многократно издававшийся и дополнявшийся в течение XVII в. (B. Walczak-Sroczyńska. С. 499—504), был переведен на польский язык и издан в Кракове в 1612 г. иезуитом Симоном Высоцким, который исключил часть «устарелых» прикладов, заменив их примерами из польской жизни, иногда устного происхождения; всего в его издании ок. 1360 статей (Там же. С. 494—495). Второе польское издание (Краков, 1621, ок. 1950 рассказов) было подготовлено тем же С. Высоцким, значительно расширившим сборник прежде всего за счет

новых прикладов, выбранных из сочинений А. Скарги, М. Кромера, Я. Длугоша и других польских и чешских писателей (Там же. С. 496—497). В 1633 г. в Кракове вышло еще одно польское издание В. З. (ок. 1920 статей; из-за ошибок в нумерации оканчивается 2309-м прикладом) в переработке Я. Лесовского, который заменил целый ряд рассказов и провел стилистическую правку (Там же. С. 497—499; Н. К. Гудзий. С. 44). «Wielkie Zwierciadło» было издано еще раз в Калише в 1690—1691 гг. в двух томах.

Первый русский перевод В. З. был осуществлен в 1676—1677 гг. по распоряжению царя *Алексея Михайловича* переводчиками Посольского приказа Семеном Лаврецким, Григорием Кульчицким, Иваном Гуданским, Гаврилой Дорофеевым (Болотинским) и Иваном Васютинским под наблюдением царского духовника А. С. Постникова (О. А. Державина. С. 27—29). Перевод делался с краковского издания 1633 г. и отличается близостью к польскому оригиналу: сохранены подробное оглавление, обращение к читателю, развернутое заглавие, дополненное в отдельных списках указанием на обстоятельства русского перевода («Великое Зерцало притчей или прилогов. Более осмидесять писцов богобоязнивых учением и древностию преизрядных написанное, такожде от многих историй и от церковных многих учителей собрано некоим единем, его же зде имя не обретается. Первие бысть на римском языке, то же преведеся некоим римлянином иеромонахом Симоном Высоцким на польский, ныне же на желание и повеление великаго государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, его царскаго величества тщанием, во ползу всем чтущым православнороссийскаго царствия христианом преведеся на словено-российский язык в лето 7185»); рассказы-прилоги следуют в порядке польского издания (П. В. Владимиров. 1884. С. 38—42). Однако наблюдается и ряд отличий: не выдержано расположение глав по алфавиту, что объясняется несоответствием русских терминов польским; в целях освобождения от католического налета исключены имена собственные, ссылки на источники и список авторов, а также проведена последовательная замена лексики — титулы римского папы заменены «вселенским патриархом», «святым отцом», «римская церковь» названа «святой соборной восточной и апостольской», и т. п. В ряде случаев точный перевод польских выражений заменен более привычными «словено-российскими» оборотами: «namilsza moia» 'милейшая моя' — «дщи моя возлюбленная», и т. п. (П. В. Владимиров. 1884. С. 42—44; О. А. Державина. С. 30—35). Но главное отличие состоит в значительном сокращении русского сборника по сравнению с польским: списки В. З. в первом переводе насчитывают от 652 до 783 статей (О. А. Державина. С. 156—157), т. е. около трети своего источника. О. А. Державина (с. 29) объясняет такое сокращение целенаправленным редактированием в целях борьбы с католическим учением. Б. Вальчак-Срочиньска (с. 505—506) высказала убедительную гипотезу о том, что по этой причине были исключены лишь отдельные статьи, большие же пропуски (по польскому изданию 1633 г. приклады 592—692, 867—1081, 1284—1513, 1678—1981, см.: П. В. Владимиров. 1884. Прил. II. С. 5—57) возникли на стыках долей пяти переводчиков в связи с неоконченностью работы над сборником; переложение исполнителем последней доли в числе прочих и заключительной главы польского издания создало иллюзию оконченного труда.

Последняя гипотеза подтверждается характером второго перевода («Книга глаголемая Великое Зерцало, приклады духовные и душеполезные повести, новопереведенные от Великого Зерцала в честь и славу богу и человеком в душевную пользу»). Выполненный с польского издания 1621 г. (B. Walczak-Sroczyńska. С. 507—508) не позднее 1689 г., как свидетельствует запись о продаже на списке ГПБ, собр. Погодина, № 1380 (О. А. Державина. С. 161), второй перевод В. З. в самых полных списках включает более 200 избранных статей, среди которых только 73 переведены вто-

рично (B. Walczak-Sroczyńska. С. 506, примеч. 42). «Дополнительность» второго перевода по отношению к первому подтверждается и рукописной традицией: более тридцати списков В. З. соединяют в одной книге оба перевода, причем подавляющее большинство этих списков относится к концу XVII в. (см.: О. А. Державина. С. 157—162).

Точное число вновь переведенных статей неясно, в рукописях их количество колеблется от 70 до 260, а расположение независимо от польского источника: составитель на первое место вынес рассказы о «непостижимстве» и величии троицы, посчитав их наиболее важными, и продолжил их сюжетами, повествующими о милосердии бога, силе молитвы и покаяния, наказании грешников, прославлении праведников и т. п. Нумерация глав — только порядковая, в отличие от первого перевода, где, вслед за польским источником, двойной счет новелл — по главам и по «прилогам». Свободнее во втором переводе и обращение с текстом: рассказы беллетризуются, дополняются живыми подробностями, диалогами, в ряде случаев им придается русский колорит, меняются заглавия (см.: О. А. Державина. С. 36—47).

Создатель второго перевода неизвестен; по мнению Б. Вальчак-Срочиньской (с. 506), им мог быть один из упомянутых переводчиков Посольского приказа, по собственной инициативе продолживший переложение огромного сборника; П. В. Владимиров (1884. С. 47) задавал вопрос, не был ли одним из редакторов В. З. крестовый иеромонах Никифор, чей экземпляр сборника (ГИМ, Синодальное собр., № 101) выделяется составом и после смерти владельца был взят в патриаршую ризницу «по указу» патриарха *Адриана*. Возможно, тому же Никифору принадлежала украинская выборка 1650-х гг. статей из краковского издания В. З. 1621 г. (Н. К. Гудзий. С. 34).

С самого своего появления на Руси В. З. было воспринято как произведение, вполне соответствующее традициям древнерусской дидактической литературы. «Общность многих источников (древне-христианских вообще и византийских в частности), общность направления (аскетического, поучительного и легендарного) так сблизили „Великое Зерцало“ с древнерусской литературой, что и самый сборник утратил характер переводного. . . и повести его наравне с проложными стали входить в такие уважаемые древнерусские сборники, как синодики, лицевые сборники, а чрез них и в устную народную словесность (духовные стихи, сказки и легенды)» (П. В. Владимиров. 1884. С. 67). Даже отдельные специфические католические идеи в условиях Московской Руси последней четверти XVII в. были понятны и близки читателям. «Настойчиво проводимая иезуитами идея превосходства духовной власти над светской была животрепещущей и в Москве. . .; крайняя религиозная нетерпимость к еретикам соответствовала настроениям боровшихся между собой официальной, никонианской и старообрядческой церквей; запрет увлекаться наукой и даже размышлять самостоятельно над священным писанием. . . нашел отклик у старообрядцев, осуждавших стремление русских к светской науке. . . Встревоженному накануне реформы воображению защитника старого уклада жизни импонировало многое в содержании „Великого Зерцала“» (В. П. Адрианова-Перетц. 1948. С. 410). Однако в отличие от старой учительной литературы В. З. шире дает светские сюжеты и даже шутливые рассказы, частично выбранные из фацеций и приспособленные к нравоучению; повести в составе В. З. строятся как краткие анекдоты, где «сюжет излагается таким образом, чтобы с наибольшей ясностью показать читателю религиозно-нравственный смысл описываемых происшествий». «Составитель „Великого Зерцала“ объединяет рассказ с нравоучением, аллегорию вводит нередко в самое повествование и таким образом пронизывает все изложение дидактизмом» (Там же. С. 411).

Такое восприятие в значительной мере связано с раннехристианскими и византийскими источниками латинского «Speculum», многие из которых

были известны на Руси с домонгольских времен и теперь пришли в новом изложении, отличающемся религиозно-морализирующими сентенциями (В. П. Адрианова-Перетц. 1967. С. 77). Так, в состав В. З. вошли многочисленные легенды из *патериков — Синайского*, *Скитского*, *Египетского* (П. В. Владимиров. 1884. С. 72—73; О. А. Державина. С. 53, 61—62) и особенно *Римского* (П. В. Владимиров. 1884. Прил. II); ряд рассказов русские читатели знали по *Прологу*, сходные сюжеты из «*Паренесиса*» *Ефрема Сирина* были включены в состав *Великих Миней Четиих* (Там же. С. 43, 68—69, 71); в отдельных списках В. З. статьи из прологов заменялись отсылками к первоисточнику под определенным днем (Там же. С. 55—56), что, несомненно, должно было укрепить авторитетность переводного сборника. Некоторые новеллы представляют отрывки из житий святых — Василия Великого, Иоанна Лествичника (П. В. Владимиров. 1885. С. 324).

Ряд прикладов из В. З., не совпадая сюжетно с древнерусскими памятниками, использовал традиционные мотивы, широко известные на Руси. Так, популярная легенда о монахе, заслушавшемся птички и не заметившем, как прошло 300 лет («Небеснаго сладкопения наслаждающеся един монах от птицы чрез 300 лет возвратися» — 1-й перевод; «О славе небесной и радости праведных вечней» — 2-й перевод), включает мотив волшебного долгого сна, встречающийся и в сказках, и в книжных произведениях, — ср. Житие семи отроков ефесских, Паралипоменон Иеремии; В. П. Адрианова-Перетц (1967. С. 78) указывала русский вариант той же легенды, датированный 1665 г. и независимый от перевода В. З. П. В. Владимиров отмечал многочисленные параллели между прикладами из В. З. и древнерусскими учительными и житийными памятниками (1884. С. 73—77); ряд аллегорических толкований в В. З. схож с притчами из *Повести о Варлааме и Иоасафе* (П. В. Владимиров. 1885. С. 324). Кроме того, на русской почве В. З. включало в свой состав такие широко известные памятники, как *Житие Евстафия Плакиды*, *Сказание об иконе богородицы Иверской*, о Флорентийском соборе, о Тимофее пресвитере, рассказы из *Синодика* и др. (П. В. Владимиров. 1884. С. 45—49, 56—57, 80; 1885. С. 363—364; О. А. Державина. С. 50—54). В свою очередь, рассказы из В. З. широко проникают в повествовательную часть Синодика (П. В. Владимиров. 1884. С. 81—98; О. А. Державина. С. 52—53; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895).

Некоторые нравоучительные статьи в В. З. являются чисто русскими сочинениями: еще П. В. Владимиров (1884. С. 35—36, 43, 55) отметил вставленную на Руси статью «Церковь восточная» и известную на Украине апокрифическую повесть «Како претерпе Христос господь нашего ради спасения волею страсти на кресте» (встречается в Учительном Евангелии К. Транквиллиона). Б. Вальчак-Срочиньская (с. 507—508) выделяет в составе второго перевода В. З. девять прикладов, отсутствующих во всех польских изданиях.

Ряд сюжетов в составе В. З. совпадает с сюжетами других переводных сборников — *Римских деяний*, *Звезды Пресветлой*, *фацеций* (П. В. Владимиров. 1884. С. 26—28, 32; 1885. С. 339—362; О. А. Державина. С. 63). Как и они, В. З. стало в русской литературе богатым источником новых тем и сюжетов; к его легендам широко обращались украинские проповедники, пользовавшиеся скорее всего латинскими или польскими изданиями В. З. (см.: Марковский М. Антоний Радивиловский — южнорусский проповедник XVII в. Киев, 1894; Шевченко С. К истории «Великого Зерцала» в Юго-Западной Руси: «Великое Зерцало» и сочинения Иоанникия Голятовского // РФВ. 1909. № 3—4). Те же издания, возможно, послужили основой для стихотворных обработок Симеона Полоцкого (Белецкий А. И. Повествовательный элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 330—332). Неоднократно отмечалось

сходство мотивов в *Повести о Савве Грудцыне* и прикладе «Како враг диавол служа некоему честну человеку и како не терпит, идеже приносится молитва», хотя М. О. Скрипиль и возражал против подобных сближений (П. В. Владимиров. 1885. С. 379; О. А. Державина. С. 98—100; Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 164—166; Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 105—109).

Отдельные сюжеты из В. З. использовались писателями XVIII—XIX вв.: В. И. Майковым, А. П. Сумароковым, Н. М. Карамзиным, И. А. Крыловым, А. С. Пушкиным, Н. А. Некрасовым, Н. С. Лесковым (О. А. Державина. С. 140—153; см. также: Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 193—226; Гудзий Н. К. К истории сюжета романса о бедном рыцаре // Пушкин. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 145—158). Возможно, впрочем, что в литературу эти сюжеты пришли не непосредственно из сборника XVII в., а через фольклор (сказки, легенды, духовные стихи) или лубок, где зарегистрирован тот же излюбленный круг тем (см.: О. А. Державина. С. 123—141).

О широкой популярности В. З. на Руси свидетельствует огромное количество как полных его списков (по далеко не окончательным данным, только в центральных хранилищах их насчитывается около 150, см.: О. А. Державина. С. 156—173), так и отдельных статей: выборки из В. З. встречаются в сборниках уже на рубеже 1670—1680-х гг. и вплоть до конца XIX в. распространяются в старообрядческой и ортодоксальной среде. Полностью В. З. опубликовано не было: помимо публикации отдельных статей из него (по большей части в тексте исследований и в хрестоматиях) издан полностью лишь второй перевод (публикация О. А. Державиной по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 532) и около 120 прикладов из первого перевода (публикация М. Н. Сперанского по рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 100).

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1—2 (9 повестей); Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 3. № 699—701, 720, 724, 726, 729; Московские высшие женские курсы: Семинарий по древнерусской литературе. Вып. 9. Из Великого Зерцала. Сергиев Посад, б. г. [публикация М. Н. Сперанского]; Перетц В. Н. 1) Из истории старинной русской повести // УИ. 1907. № 8. С. 24—28 (3 повести); 2) Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии // Там же. № 11. С. 6—9 (4 повести); Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 198—203; Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1902. Т. 2. С. 513—517, 545—546; Петров Н. И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // ТКДА. 1872. № 8. С. 737—742; Веселовский. Памятники. Т. 1. С. 438; Владимиров П. В. 1) Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884; 2) К исследованию о «Великом Зерцале». Казань, 1885; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 223, 224, 337; Гудзий Н. К. К вопросу о переводах из «Великого Зерцала» в Юго-Западной Руси // ЧИОНЛ. 1913. Кн. 23, вып. 2, отд. IV. С. 19—58; Орлов. С. 112—119; Адрианова-Перетц В. П. 1) Переводные западные повести // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 408—411; 2) Рец.: Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве // ИОЛЯ. 1967. Т. 26, вып. 1. С. 75—79; Walczak-Sroczyńska B. Wielkie Zwierciadło Przykładów-dzieje tekstologiczne // Slavia orientalis. 1976. N 4. S. 493—508; Шварц Е. М. Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в Усть-Цилемских рукописных сборниках // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 341—350.

Е. К. Ромодановская

Видение хутынского пономаря Тарасия—Прохора — рассказы о чудесах, якобы свершенных популярным в Новгороде святым Варлаамом Хутынским (см. *Варлаама Хутынского житие*), до включения их в поздние редакции Жития (Распространенную и Особую) широко бытовали в устной новгородской традиции. Среди наиболее популярных чудес такого рода был рассказ о видении Хутынского пономаря (далее: В.). В. как письменный текст входило не только в состав Жития Варлаама Хутынского, но и переписывалось как самостоятельное произведение. Рассказ этот существовал в двух редакциях. Заглавия В. как в составе Жития Варлаама Хутынского, так и в отдельных списках разнообразны: «Чюдно видение преподобнаго Варлаама над Великим Новым Градом»; «В лето 7013. Бысть чюдо преславно и видение ужаса исполнено в пречестней обители боголепнаго Преображения господа бога и спаса нашего Исуса Христа и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама»; «Моление преподобнаго отца Варлаама о граде и о людех»; «Чюдо святаго Варлаама како избави Новград от потопа и огня».

Содержание В. таково. Однажды пономарь церкви Спаса в Хутынском монастыре «некия ради потребы церковныя» был «в полунощи» в церкви. Вдруг зажглись в храме все свечи и паникадила, церковь наполнилась благоуханием, и из находившейся внутри церкви гробницы вышел Варлаам и начал молиться. Кончив молитву, Варлаам подошел к объятому страхом пономарю и сказал ему: «Брате Тарасие, хощет господь бог погубити Великий Новъград; взыде, брате Тарасие, на самый верх церковный и узриши пагубу Великому Новуграду, что хощет ему господь бог сотворити». Тарасий, взойдя на кровлю церкви, видит, что над Новгородом нависло озеро Ильмень, готовое обрушиться на город. (Хутынский монастырь был расположен в 10 км на север от Новгорода, вниз по течению Волхова). Пономарь в ужасе сбегает с церковного верха и рассказывает святому об увиденном. Варлаам снова долго молится и вторично посылает на верх церкви пономаря. На этот раз пономарь увидел множество грозных ангелов, стреляющих огненными стрелами «на множество народа людскаго, на мужи и жены и на дети их». А около каждого человека стоял его ангел-хранитель с книгой в руках. И если человек был «написан в живых», то ангел окроплял такого человека «кистию из сосуда, приемля мира небесного», и тот исцелялся. Если же человек был записан «ему же умрети», то ангел, «не помазав его миром», отходил от него, и человек этот был обречен на гибель. Вернувшись к Варлааму, пономарь рассказывает об этом видении. Варлаам говорит, что бог пощадил новгородцев, «еже не потопил потопом града, но посылает господь бог на люди казнь — мор, но с милостью, рекше с покаянием». В третий раз поднимается пономарь по повелению святого на верх церкви и видит над Новгородом огненную тучу. Это видение пономаря Варлаам истолковывает так: через три года после мора в Новгороде случится великий пожар.

Вторая редакция В. отличается от первой тем, что имя пономаря в ней не Тарасий, а Прохор и здесь есть дополнительный эпизод. Пономарь Прохор, войдя в церковь, видит там трех юношей. Они спрашивают Прохора о Варлааме. Удивленный их вопросом, Прохор говорит, что, видно, они не здешние жители, раз не знают, что Варлаам умер уже триста лет тому назад. Подойдя к гробнице святого, юноши (это были посланцы бога) повелевают Варлааму встать из могилы и говорят, что бог велит ему покинуть Новгород, который будет погублен потопом. Варлаам отказывается сделать это: он готов погибнуть вместе с городом. Далее идет такой же текст, как и в первом варианте. Источником этого вставного эпизода послужил сходный эпизод *Димитрия Солунского Мучения*. В тексте В. назван год видения пономаря — 1505, но возникновение этой легенды, в основе которой лежат реальные события из жизни Новгорода, следует датировать немного более поздним временем. В 1506—1508 гг. в Новгороде свирепствовала моровая язва. Вот что пишет об этом новгородский

летописец: «При великом князе Василье Ивановиче всея Руси и при архиепископе новгородцком, владыце Серапионе, бысть в Новегороде мор велми велик железою, паде же и людей безчислено, и того бысть по три осени. Последнюю же осень, лета 7016 (1508), паде людей, мала и велика, мужеска полу и женьска, 15 000 душь и 400 безс-четырех голов» (Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 460). В том же 1508 г. в Новгороде произошел пожар, про который летописец пишет, что такого страшного пожара еще никогда не бывало. Назвав число сгоревших — 2314, летописец добавляет: «утопших же и згоревьших в пепел число бог весть, а горело день да нощь да на завътрее до полуден» (Там же. С. 461). Оба события, хронологически следовавшие одно за другим, объединились в сознании новгородцев в единое бедствие и послужили основой легенды о видении пономаря Тарасия, которая возникла под свежим впечатлением от несчастий, обрушившихся на Новгород, т. е. вскоре после 1508 г. Д. С. Лихачев весьма убедительно соотносит время возникновения этой легенды с постройкой в Хутынском монастыре в 1515 г. нового храма: «В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был воздвигнут новый Преображенский собор — самый высокий по своим размерам из числа новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город расстилался на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутынского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды» (Д. С. Лихачев. С. 90). Д. С. Лихачев отмечает, что, несмотря на общие места и мистическую окраску В., это произведение, отличающееся целым рядом конкретных моментов, является «типично новгородским» (Там же). Изобразительность рассказа о видении пономаря Тарасия нашла отражение в новгородской живописи: до нас дошло семь новгородских икон и книжные миниатюры, посвященные этому сюжету; они отличаются яркостью и детальностью изображения событий, рассказанных в В.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 247; ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 283—284; Житие Варлаама Хутынского. В двух списках / Изд. ОЛДП. № 41. СПб., 1881; ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 416—421.

Лит.: Гусев П. Л. Новгород XVI века по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб., 1900; Орлов А. С. Видение Хутынского пономаря Тарасия—Прохора: (начало XVI в.) // ЧОИДР. 1908. Кн. 4. С. 1—12; Седельников А. Литературно-фольклорные этюды // Slavia. Praha, 1927. Roč. 6, Seš. 1. S. 64—98 («Об источниках хутынского видения Тарасия—Прохора» — с. 89—98); Лихачев Д. С. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959. С. 89—90; Порфиридов Н. Г. Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 112—118; Лихачева Л. Д. Миниатюристы — читатели новгородских литературных произведений // Там же. С. 337—341; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 61—68, 81—83, 280.

Л. А. Дмитриев

Иное сказание — компилятивное произведение первой половины XVII в., охватывающее события от смерти *Ивана Грозного* до венчания на царство *Алексея Михайловича*. Название дано памятнику И. Д. Беляевым, который впервые опубликовал его по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1503. Помещенное в рукописи за «книгой» *Авраамия Палицына*, И. с. начиналось словами: «Той же первой истории последует вторым сказанием, иже в первой скращено, зде же приполнено, и где в первой полно, зде же скратно писано. Инаго творения». Составитель не счел нужным оговорить разногласия с «Историей» (а их немало), он лишь заявил о своем намерении дополнить рассказ знаменитого келаря, если найдет его кратким, и лако-

нично изложить то, что подробно описано Палицыным. Второй список И. с. также сопровождается «Историей» (ГБЛ, Музейное собр., № 1836). Этот список сделан при участии одного из двух писцов, работавших над погодинской рукописью. Возможно, оба сборника вышли из одной книгописной мастерской (см.: Шмидт С. О. Заметки о рукописи № 1836 Музейного собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 156). Палицынская «книга» сопутствовала И. с. и в третьей, ныне, вероятно, утраченной рукописи Воронежского губернского музея (с ней были знакомы С. Ф. Платонов и Е. Н. Кушева). В сборнике ГБЛ, собр. Егорова, № 292 встречаем начало И. с., за которым следуют «Повесть о Федоре Ивановиче» и палицынская «книга». Все это не позволяет согласиться с предположением Д. К. Уо, будто до составления П. М. Строевым погодинской рукописи «История» и И. с. были разделены (см.: У о Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 138). Согласно Ю. К. Бегунову, сокращение И. с. имеется в рукописи Славянской библиотеки (Прага), № Т 9775 (см.: Бегунов Ю. К. Малоизвестные рукописи Славянской библиотеки в Праге // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 328). Данная рукопись, однако, содержит список «Повести, како отомсти», не учтенной, кстати, ее публикаторами.

И. с. состоит из трех частей (С. Ф. Платонов и М. А. Яковлев, не замечая компилятивности произведения, делят его соответственно на шесть и пять частей). Это повесть о событиях конца XVI—начала XVII в., доведенная до разгрома царских войск под Калугой (1607 г.), рассказ о Смуте начиная с борьбы армии Шуйского и отрядов Лжепетра и *И. И. Болотникова*, засевших в Калуге и Туле (он почти совпадает с последними статьями *Хронографа Русского* второй редакции), и краткий летописец за 1613—1645 гг.

В первой части И. с. легко выделяется ряд документов времени Лжедмитрия I и Василия Шуйского: «Извет Варлаама», две «прелестные» грамоты «расстриги» (за осень 1604 г. и конец мая 1605 г.), обе окружные грамоты Шуйского (без адресата), его крестоцеловальная запись. «Извет» представлен в И. с. не в первоначальном виде, а содержит позднейшие наслоения, внесенные, возможно, составителем памятника. По-видимому, он знал и приговор Шуйскому (1605 г.).

Читаемый в И. с. рассказ об осаде Москвы болотниковцами разрывается «Повестью о видении некоему мужу духовну» (без преамбулы, имеющейся в большинстве ее списков). Тем самым в И. с. нарушается последовательность событий 1606 г. Однако нельзя считать, что «Повесть» механически разрывает описание московской осады (мнение А. Г. Манькова, А. И. Копанева, В. И. Корецкого). Судя по этому описанию, в результате молитвы москвичей, последовавшей за «видением», повстанцы не смогли овладеть всеми дорогами, ведущими в столицу, и к Шуйскому подошли подкрепления. Включая «Повесть» в свое произведение, составитель И. с. хотел подчеркнуть роль покаяния в победе над «ворами» под Москвой.

Как доказала Е. Н. Кушева, в основу повествования о царствованиях Федора Ивановича, *Бориса Годунова*, Федора Борисовича и Лжедмитрия I компилятор положил «*Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову*». Список этой «Повести», которым располагал составитель И. с., сейчас неизвестен; вопреки мнению ряда исследователей, его, однако, нельзя сближать с теми списками, где «Повесть» компилируется с другими сочинениями Смутного времени. Компилятор использовал также *Житие царевича Дмитрия* (1607 г.), надпись на раке этого «нового чудотворца» и палицынскую «книгу». Помимо того, в И. с. находим оригинальные рассказы о воцарении Бориса Годунова, походе самозванца на Москву и его правлении, источник которых точно не определен. Все эти публицистические произведения скомпилированы весьма искусно, и С. Ф. Платонов даже принял начало И. с. за «*Повесть 1606 г.*»,

которую был склонен приписать Авраамию Палицыну. Изыскания Е. Н. Кушевой, а также биографические данные о Палицыне заставляют отвергнуть эту атрибуцию.

По мнению С. Ф. Платонова и И. И. Смирнова, помещенный в И. с. рассказ о восстании Болотникова кончая победой повстанцев у Калуги написан вскоре после описанных событий, хотя в нем есть хронологическая путаница и фактические неточности. По справедливому заключению И. И. Смирнова, компилятор воспользовался неизвестной повестью, где говорилось о восстании Болотникова. Автором повести был современник восстания, очевидец многих событий 1606—1607 гг. Возможно, он знал и разрядные записи за это время. С. Ф. Платонов и М. А. Яковлев показали лексическую и стилистическую общность оригинальных рассказов И. с. о воцарении Бориса Годунова, вторжении расстриги и его царствовании, восстании Болотникова. Вероятно, эти рассказы заимствованы компилятором из повести о Смуте, неизвестной в отдельных списках. Вслед за С. Ф. Платоновым и В. Л. Комаровичем можно полагать, что данную повесть знал автор Хронографа второй редакции, почему ее можно датировать временем до 1616/17 г. Но составитель И. с. дополнил повесть сообщением Хронографа о происхождении «царевича Петра». Автор этой повести скорее всего был светским лицом, так как непосредственно знаком со многими военными событиями своего времени, проявляет удивительную для духовного лица неосведомленность о дате принесения в Москву мощей царевича Дмитрия, допускает грубую фактическую ошибку, полагая, что в 1591 г. на его погребение в Углич ездил патриарх *Иов*.

В предполагаемой повести о Смуте встречаем многочисленные признаки летописной традиции, прежде всего обилие хронологических ссылок. Вопреки утверждению А. И. Филатовой, будто указания автора на «грехи» являются лишь пустой отпиской, данью обычаю, публицист всецело находится на позициях провиденциализма. Вместе с тем создателю повести свойствен острый интерес к причинно-следственным связям событий, к мотивам человеческих поступков; он стремится даже вникнуть в психологию людей. Неизвестный автор передает чужие мнения, полемизирует с ними, вводит в свое изложение диалог и прямую речь. Он охотно использует рифмованную речь, в том числе корневые рифмы и рифмоиды. Особенно удаются ему описания сражений, составленные под воздействием «*Сказания о Мамаевом побоище*». Писатель пытается видоизменить воинские формулы, умело прибегает к образам птичьей охоты, живым, конкретным сравнениям. В повести заметны и следы хронографического стиля.

Если выделить из первой части И. с. предполагаемую повесть начала XVII в. и другие его источники, то на долю компилятора придутся почти исключительно переходы от одного сочинения к другому. Эти переходы выдержаны в делопроизводственном стиле, например: «Сему же сказанию конец до зде бысть. Возвратимся на предняя, о его Гришкине собрании войска и о шествии к Москве»; «И сицевою прелестию прелстити первое народу Московского государства покусися»; «. . .а в грамотах сице пишет». Учитывая это, едва ли вслед за И. С. Шепелевым можно приписать компилятору хронографические статьи, составляющие вторую часть произведения. Очевидно, он просто перенес их в И. с., которое первоначально завершалось последней главой Хронографа 1616—1617 гг., посвященной воцарению *Михаила Федоровича*. При этом лишь статья о низложении и смерти царя Василия была дополнена известием о возвращении из польского плена И. И. Шуйского (в конце 1619 или начале 1620 г.). Вряд ли бы компилятор забыл упомянуть о выдаче русским представителям в 1635 г. праха Василия Шуйского. Допустимо считать, что И. с. в первоначальном виде было составлено до этого времени, но не ранее 1619—1620 гг., тем более что в нем есть вставки из палицынской «Истории», две первые редакции которой возникли в течение данного года. Е. Н. Кушева склонна относить И. с. к 1622—1623 гг., которыми помечен воронежский список

«Истории» Авраамия Палицына. Другие исследователи датируют памятник 1623 г. (А. А. Зимин, А. А. Назаревский, Р. В. Овчинников), 20-ми гг. XVII в. (А. И. Филатова, Л. В. Черепнин, И. И. Смирнов, В. И. Корецкий), их второй половиной (А. М. Сахаров). Однако в погодинском и Музейном списках «Истории», сопровождающих И. с., дата отсутствует. Изучение рукописной традиции «Истории» показывает, что списки с датой и списки, где ее нет, относятся к разным изводам неавторской редакции. Списками разных видов пользовались и составители летописцев и хронографов, компилировавшие И. с. с «Историей». Трудно решить, какой список был в руках компилятора.

Как отметили еще И. Д. Беляев и А. Н. Попов, И. с. почти полностью вошло в состав Хронографа третьей редакции, один из списков которого датирован октябрем 1645 г. Кроме того, сохранился помеченный августом 1641 г. список Хронографа особого состава, точнее, его первой книги. Согласно оглавлению этого компилятивного Хронографа, он был доведен до присылки в Москву из Персии «христовы срачицы» (1625 г.) (см.: Демин А. С. «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г. // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 87, 90, 93—94). Дару шаха Аббаса Михаилу Федоровичу посвящена статья летописца, составляющего заключительную часть И. с. Это позволяет думать, что оно в первоначальном виде появилось не позже 1641 г.

Летописец, помещенный в И. с. вслед за хронографическими статьями, доведен до венчания на царство *Алексея Михайловича* (в погодинском списке имеются позднейшие приписки о воцарениях его сыновей Федора, Ивана и Петра). Круг интересов его составителя включает военную и дипломатическую историю Московского государства, жизнь царской семьи, судьбы патриаршего престола и новгородской митрополичьей кафедры, пожары в Москве. Не исключено новгородское происхождение летописца. Возможно, первоначально он кончался статьей «О принесении Христовы срачицы». Летописец включает в себя 412-ю, 420—422-ю главы *Летописца Нового*.

Е. Н. Кушева обратила внимание на то, что все списки И. с. сопровождаются палицынской «Историей» с главой об оскудении казны в ее позднем варианте, где резкое осуждение Шуйского сменилось восхвалением царя Василия. Так как начальная часть И. с. является панегириком Шуйскому, то исследовательница считает компиляцию произведением, обелявшим задетую келарем память царя Василия, трудом, составленным в опровержение палицынской «книги». Это мнение принято большинством ученых (Л. В. Черепнин, В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский, С. О. Шмидт). Однако составитель И. с. не счел нужным оговорить свои разногласия с «Историей». Во второй части компиляции наблюдается сдержанное отношение к Шуйскому, а в первой составитель лишь следовал за своими источниками. Нельзя говорить и об отрицательной оценке Шуйского в «Истории» и его сплошном восхвалении в позднем варианте главы о казне. Так что нет достаточных оснований отказываться от взгляда П. М. Строева на И. с. как дополнение к «Истории». Л. В. Черепнин видит в И. с. попытку создания обобщающего труда по истории Смуты, предпринятую при патриаршем дворе, но не обосновывает этот взгляд (см.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. 1945. Кн. 14. С. 102—103). Поскольку компиляция широко использована в Хронографе третьей редакции, напрашивается предположение: не было ли создано И. с. в процессе работы над новой редакцией Хронографа, включившей в себя (в зависимости от разряда) также отрывки из «Истории» Палицына, Хронографа 1616—1617 гг. и летописные статьи, заключающие И. с.?

Как отметил еще И. Д. Беляев, составитель И. с. являлся светским лицом, скорее всего приказным. Недаром ему были доступны многие до-

кументы начала XVII в., а отдельные фразы компилятора находят аналогии в деловой письменности.

Заимствования из И. с. имеются в бесчисленных хронографах, летописцах и исторических повестях XVII—XVIII вв. Правда, вопреки мнению В. Д. Назарова, оно не явилось источником «Нового летописца». Но бесспорна зависимость от И. с. *Летописного свода 1652 г.*, «Латухинской степенной книги», *Летописи Новгородской Забелинской*. Несколько летописных статей И. с. перенесено в ряд списков неавторской редакции «Истории» Авраамия Палицына.

Об истории изучения памятника см.: Державина О. А. Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 672—688.

Изд.: Иное сказание о самозванцах // ВОИДР. 1853. Кн. 16. Материалы. С. 1—80; РИБ. 1891. Т. 13. С. 1—144; 2-е изд. 1909. С. 1—144; 3-е изд. 1925. Вып. 1. С. 1—144 (есть и отдельный оттиск: Так называемое Иное сказание. СПб., 1907).

Лит.: Платонов; Попов Н. К вопросу о первоначальном появлении вирш в северно-русской письменности // ИОРЯС. 1917. Т. 22, кн. 2; Пг., 1918. С.259—275; Кушева. Из истории. С. 21—97; Яковлев М. А. «Иное сказание»: (Повесть о крестьянском движении начала XVII века) // Учен. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского. 1938. Вып. 1. С. 183—232; Орлов А. С. Повесть 1606 года о восхищении российского престола Борисом Годуновым и Лжедмитрием и о воцарении Василия Шуйского // ИОЛЯ. 1946. Т. 5, вып. 1. С. 27—46; Смирнов И. И. 1) Восстание Болотникова: 1606—1607. М., 1951; 2) Обзор источников о восстании Болотникова // Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 5—40; Назаревский. Очерки; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 231—254; Солодкин Я. Г. К истории издания «Иного сказания» // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 63—77.

Я. Г. Солодкин

История о Мелюзине — переводная повесть XVII в. Рыцарский псевдогенеалогический роман Ж. д'Арра о Мелюзине, повествующий о возникновении рода Лузиньянов, появился во Франции в конце XIV в. В основе романа лежит популярный сказочный сюжет о женщине-оборотне. В наказание за непочтение к отцу волшебница Мелюзина каждую субботу должна была превращаться в змею. Выйдя замуж за графа Раймунда, Мелюзина не открылась ему, но только запретила приходить к ней в субботу. По прошествии многих лет счастливой жизни Раймунд, терзаемый подозрениями, пришел в ее комнату в субботу, после чего Мелюзина навсегда исчезает. Значительная часть романа посвящена приключениям десяти сыновей Мелюзины.

Роман со временем превратился в народную книгу, издававшуюся на национальных языках; известны немецкий, голландский, английский, испанский переводы, позднее он вдохновлял К. Брентано и Гете. На польский И. о М. была переведена в середине XVI в. М. Сенником (первое издание 1569 г.). На русский И. о М. переводилась с польского дважды (оба раза с краковского издания 1671 г.).

Первый перевод («История о Милюзине кролевне и о чюдных ея детях и о городе Лозане»), сохранившийся в двух списках (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.18; Библиотека гимназии в г. Вестерос, UUB. Slav. 34), был сделан в 1676 г. Эта дата указана в списке ОЛДП, и ее нет во втором списке, сделанном для И. Г. Спарвенфельда в Москве около 1687 г. Исходя из этого, Г. Бергман приняла 1676 г. за дату списка ОЛДП и, основываясь на анализе архаизированного языка перевода, датировала его 70-ми гг. XVI в. и атрибутировала *Ивану Федорову*, который был знаком с М. Сенником. В дальнейшем эта малоубедительная гипотеза была оспорена.

Второй перевод («История благоприятна о благородной и прекрасной Мелузине») был сделан в январе 1677 г. переводчиком Посольского приказа *Иваном Гуданским*. Его перевод сохранился в 8 списках XVII—

середины XVIII в.; полная редакция представлена 6 списками (ГПБ, Q.XVII.8; ГИМ, Музейское собр., № 2326; ГБЛ, собр. Ундольского, № 939; БАН, 34.6.52; ИРЛИ, оп. 23, № 116; ЦГАЛИ, ф. 1296, оп. 2, № 44), сокращенная — одним (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 413 (865)), в котором убраны побочные мотивы и сглажены композиционные недостатки оригинала. В середине XVIII в. полная редакция подверглась коренной языковой правке, коснувшейся прежде всего устаревших грамматических форм, и появилась новая редакция, стилистическая (ЛОИИ, колл. 238, № 681).

В начале XVIII в. И. о М. была поставлена в театре царевны Натальи Алексеевны (сохранился отрывок пьесы). При инсценировке был использован перевод И. Гуданского, один из списков которого был в царской библиотеке.

В отличие от других переводных романов И. о М. не имела широкого распространения и не дошла до массового читателя. Среди ее читателей лишь один «певчей», остальные — представители высших слоев: Петр I, царевна Наталья Алексеевна, кн. Д. М. Голицын, граф А. А. Матвеев, шведский дипломат И. Г. Спарвенфельд.

В XX в. И. о М. привлекла внимание А. Ремизова, который пересказал ее (Мелюзина и Брунцвик. Париж, 1952).

Изд.: Перевод 1676 г.: История о Мелюзине / Изд. ОЛДП. № 42—60. СПб., 1882; Bergman G. The Melusina Saga: The Text in UUB. Slav. 34 and a Study in 17th century Literary Language in Russia. Upssala, 1964 (Рец.: Бегунов Ю. К. // ИОЛЯ. 1965. Т. 24, вып. 5. С. 445—447). Перевод 1677 г.: Małek E. Historia o Meluzynie: Z dziejów romansu rycerskiego na Rusi. Bydgoszcz, 1978 (здесь же см. полный обзор литературы об И. о М.) (Рец.: Николаев С. И. // РЛ. 1980. № 4. С. 200—203; Woźniak A. // Slavia Orientalis. 1981. N 3. S. 363—364).

Лит.: Булгаков Ф. История о Мелюзине // ПДП. 1880. № 2. С. 71—80; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 93—97; Małek E. 1) Staroruska «Meluzyna» i jej stosunek do polskiej wersji powieści // Slavia Orientalis. 1974. N 1. S. 21—35; 2) «Historia o Meluzynie» i jej europejska kariera literacka // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Z. 109. Filologia rosyjska. Łódź, 1976. S. 33—39; 3) «Historia o Meluzynie» Jehana d'Arras na Rusi w wieku XVII—XVIII // Acta Universitatis Lodziensis. 1977. Ser. 1, nr. 16. S. 53—61; 4) Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 62—68; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 180, 631.

С. И. Николаев

История о первом Иове, патриархе московском и всея России — памятник биографического характера, посвященный описанию деятельности первого русского патриарха *Иова*. Раздел чудес делает похожим это сочинение на житие, но в целом традиционной схеме жития оно не соответствует (для жанровой характеристики памятника важно обратить внимание на ключевые слова «история» и «повесть», встречающиеся в его самоназвании, ср. нач.: «Первие зде да скажется повесть о Иове патриархе. . .»).

Очевидно, что как целостный памятник И. сложилась вскоре после 1652 г., когда мощи патриарха Иова были перенесены из г. Старицы в Москву: ее повествование завершается чудесами, случившимися при перенесении мощей. Но так же очевидно и то, что этот памятник был создан путем соединения по крайней мере двух разновременно написанных частей. Первая из них, начальная часть И., представляет собой краткое и довольно сухое описание прохождения Иова по степеням церковной иерархии, от монашеского пострижения в Успенском монастыре г. Старицы и возведения затем в сан архимандрита того же монастыря по настоянию *Ивана Грозного* до посвящения в патриаршее достоинство при царе Федоре Иоанновиче. Заканчивается эта часть сообщением о смерти патриарха, постигшей его в Старице в 1607 г. Ее источником вполне могла быть духовная грамота самого Иова, где патриарх перечислил церковные должности, пройденные

АН СССР

им в течение жизни (изд. см.: ДРВ. М., 1788. Ч. 6. С. 107—125; СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 82. С. 179—186; ААЭ. Т. 2. № 67. С. 148—160).

Вторая часть (ничем не отделенная от первой, начинающаяся словами: «И о сем Иове да слышится зде повесть, инде бо о нем нигде не писано. . .») снова возвращается к основным моментам жизненного поприща патриарха, но описывает их в иной манере, пространно и восхищенно характеризуя выдающиеся дарования патриарха Иова, удивительную его память, проникновенное умение читать и петь литургические тексты так, что плакали даже не слезливые, необыкновенное усердие в каждодневном богослужении, строгое постничество, кротость и терпение по отношению к подчиненным ему собратьям по духовному чину. В отличие от первой части, где почти ничего не говорится о Борисе Годунове и очень коротко сообщается о времени Смуты, во второй части приводится довольно подробная характеристика правления царя Бориса, рассказывается об активной агитации Иова против Григория Отрепьева, описываются перипетии предшествовавшего ссылке Иова в Старицу гнусного надругательства над патриархом со стороны приверженцев Лжедимитрия. Заканчивается эта часть описанием кончины и погребения Иова, к ней присоединяются чудеса, случившиеся вскоре после смерти патриарха. Затем следует раздел, озаглавленный «О принесении честных мощей святейшего Иова патриарха из Старицы в царствующий град Москву», посвященный описанию перенесения мощей Иова в Успенский собор Москвы в 1652 г. и чудес, сотворившихся при этом.

Стилистические различия между двумя частями И., повторы второй части относительно содержания первой заставляют думать об их обособленном происхождении. Так как в начальной части с почтением упоминается имя «царя государя и великого князя Василия Ивановича всея России» (в царствование которого Иов скончался) и ничего не говорится плохого о *Борисе Годунове*, отношение к которому было апологетическим именно в период царствования Василия Шуйского, а во второй части, напротив, вовсе не упоминается Шуйский, Борис же Годунов предается хуле в традиционном духе историографии, сложившейся после воцарения Романовых, то, учитывая все это, можно говорить о том, что первая часть И. была написана раньше последующих частей, а именно — в годы правления Василия Шуйского (1606—1610), т. е. между 1607 и 1610 гг.

Что касается второй части и раздела «О принесении мощей», то данных об их разновременном написании нет. В тексте второй части, там, где рассказывается о посмертном явлении патриарха Иова *Дионисию Зобниновскому*, бывшему в то время архимандритом Старицкого монастыря, находится фраза «О архимандрите Дионисии инде писано», которую С. Ф. Платонов трактовал как отсылку к тексту жития Дионисия Зобниновского. Если принять такую трактовку бесспорной, то из этого последует, что второй раздел И. надо датировать годами не раньше 1648—1654, времени, когда было создано житие Дионисия Зобниновского.

В последнем разделе, посвященном событиям 1652 г., сохранилось свидетельство того, что автор его являлся современником описываемых событий: рассказав о чуде, свершившемся над бесноватым посадским человеком Иоанном, он сообщил, что узнал все от самого исцелившегося («. . .опосле нам. . . своими усты глаголаше»).

С. Ф. Платонов высказал предположение о принадлежности автора И. к братии Троице-Сергиева монастыря; он основывался на том, что в изучаемом памятнике встречаются имена, связанные с жизнью Троицкого монастыря, а именно — имя Дионисия Зобниновского, который фигурирует в И. как один из ее персонажей и на некое сочинение о котором (предположительно, его житие) имеется здесь ссылка, и имя некоего Иоанна Иоанновича Тулупова, над которым в Старице в 1609 г. произошло чудо исцеления. Если бы удалось доказать, что этот человек, дружески называемый автором просто Иоанновичем, и троицкий инок, списатель Четьих Миней

Герман Тулупов, происходивший также из Старицы, были одним лицом, тогда связь биографического сочинения об Иове с Троице-Сергиевой лаврой была бы подтверждена бесспорно. Пока же остается перечислять доводы, делающие это предположение вероятным, в том числе и то, что одним из источников И. было такое троицкое сочинение, как Сказание *Авраамия Палицына* (в рассказе об убиении царевича Димитрия, московском пожаре 1591 г., непорядках, сопутствовавших царствованию Бориса Годунова).

Изд.: Памятники древнерусской письменности, относящиеся к смутному времени // РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 923—950; В е р ш и н с к и й А. История о первом патриархе Иове (по Старицкому списку) // Тверская старина. Старица, 1911. № 3. С. 47—56; № 4. С. 26—35; № 5. С. 16—23; № 6. С. 35—40.

Лит.: К л ю ч е в с к и й В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 465; М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1. С. 55—99; Б а р с у к о в Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 262—264; Платонов. С. 351—356.

Н. В. Понырко

Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском — повесть, оформленная как агитационное патриотическое воззвание кануна создания Первого народного ополчения 1611 г., разоблачающее предательскую политику боярского правительства («семибоярщины») и призывающее москвичей к восстанию против польских интервентов.

Памятник этот открыт и введен в научный оборот С. И. Кедровым (К е д р о в С. И. «Авраамий Палицын» // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 62). Создан он в Москве очевидцем событий («у нас зде, в великом граде»), написан в основном от имени автора и содержит описание ряда уникальных подробностей общественной жизни столицы периода ее оккупации отрядами польских интервентов. Встречающийся в произведении оборот «у нас в Троице» представляет собой не случайную оговорку позднего троицкого переписчика (как считает А. А. Назаревский), а свидетельствует о каких-то личных связях автора с Троице-Сергиевым монастырем.

По традиции, восходящей к С. Ф. Платонову, Н. п. обычно датируется концом декабря 1610 (после гибели Лжедимитрия 14 декабря 1610 г., о котором в повести уже не упоминается)—началом января 1611 г. (поскольку автор еще умалчивает о народно-освободительном движении русских городов). С. Ф. Платонов высказывал также предположение, что она как «подметное» письмо могла быть написана в конце декабря 1610 г., «к святкам», когда ее удобнее всего было подбросить в толпу для прочтения. Однако повесть «подметным» письмом не является, она предназначалась для передачи из рук в руки и только патриотам. Анализ агитационной патриотической письменности, грамот и отписок городов кануна Первого народного ополчения показывает, что народно-освободительное движение широко развернулось уже в последние два месяца 1610 г. (Н. Ф. Дробленкова. С. 85—86, 169—173); автор же об этом не сообщает, как умалчивает он и о рассылке патриархом Гермогеном агитационных грамот. Если учесть все это, а также идейно-тематическую и стилистическую близость Н. п. к ряду агитационно-патриотических грамот-воззваний (особенно к воззванию москвичей и так называемой смоленской грамотке) января—февраля 1611 г. и принять во внимание, что некоторые источники датируют казнь поляка Блинского, стрелявшего в икону (о которой упоминает автор Н. п.), концом января—первыми числами февраля 1611 г., то датировку памятника можно соответственно изменить и «крайний срок ее создания отодвинуть до начала февраля 1611 г.» (Н. Ф. Дробленкова. С. 86). Я. Г. Солодкин привлекает против датировки С. Ф. Платонова новые архивные данные, на основании которых сдвигает время создания Н. п. к еще более позднему времени, «едва ли ранее февраля, но, конечно, до „московского разорения“ 19 марта 1611 г.». В частности, он оспаривает

рия», начал писать грамоты против польских интервентов и патриарх Гермоген, освобождая русское население от присяги королевичу Владиславу. Однако, резко осуждая семибоярское правительство за откровенное предательство и защиту интересов Сигизмунда III, автор с почтением относится к «боярским чинам» и весьма реально и не без опасения ощущает весомое значение разбушевавшегося народного «моря» — в современных ему и грядущих событиях. Именно поэтому он и стремится раскрыть коварные политические замыслы польских интервентов, которые по совету предательского правительства рассчитывают успокоить волну растущего народного гнева с помощью лживых обещаний прислать на царство королевича Владислава или показательной расправы над стрелявшим в икону поляком. Для своих агитационных целей автор использует почти все те же факты, что и современные ему агитационные патриотические грамоты, однако, изображая патриарха Гермогена стойким патриотом, крепким, как «адамант», «столпом», он в основном ограничивается риторическими тирадами и лишь намеками говорит о его патриотической деятельности, замалчивая факт рассылки Гермогеном воззваний. И если это можно объяснить неосведомленностью автора, то такого объяснения нельзя дать замалчиванию им зарождающегося народно-освободительного движения городов — о сопротивляющихся Сигизмунду III городах, подобных Смоленску, он лишь глухо упоминает: «. . .и иных и всех градов наших, не хотящих за него». По-видимому, причину этого явления следует искать в каких-то внутренних соображениях автора, из предосторожности решившего не раскрывать всех тайн подпольного патриотического движения.

Позднее заглавие памятника не отражает его жанрового определения. Большинство исследователей, начиная с С. Ф. Платонова, называют его «подметным письмом», «посланием», «воззванием». По нашему мнению, Н. п. — литературная повесть, оформленная как грамота-воззвание, обращенная автором к коллективному адресату «преименитаго великого государства матере градовом Росийскаго царства православным християнном, всяких чинов людем». Однако кроме сходства с памятниками деловой письменности в композиции, оформлении, самом описании бытовых сцен, использовании русской народной речи Н. п. обладает всеми признаками развитого литературно изощренного повествования, обнаруживающего в авторе искуснейшего книжника, свободно владеющего и риторическим стилем «плетения словес», использующего книжные образы (*Стефанита и Ихнилата*) и традиционные сравнения (враги — «волки», Гермоген — «пастырь», «учитель», «столп»), ритмическую и рифмованную речь и одновременно создающего образы, близкие народному пониманию, такие как образ города-героя Смоленска в виде «прехраброго воина», держащего за узду «неукротимого жребца», или Сигизмунда в образе нетерпеливого жениха-насильника и Руси в образе «благоверной» и богатой невесты.

Анонимное, как большинство памятников древнерусской литературы, это произведение отличается наличием в нем авторской характеристики-автобиографии, из которой следует, что автор «прилепился» к врагам ради «тленнаго богатества» и ими «зело пожалован», что он боится раскрыть кому бы то ни было свое имя, так как не хочет опротить или отдать на позор своих жену и детей. Новаторское введение в произведение авторской исповеди в данном случае вполне оправдано требованиями формы, которая была придана этому произведению: в городских грамотах-воззваниях и «отписках» должен быть точно указан адрес, от кого и к кому они направлялись; роль этих необходимых реалий и должна была выполнить автобиография писателя.

На основании всестороннего анализа произведения С. Ф. Платонов пришел к выводу, который был принят в науке, что автор Н. п. — из «служилых», «был простым дворянином, или сыном боярским, или же приказным дьяком» (Платонов. С. 112). Сомнения исследователей вызы-

вали лишь попытки раскрыть конкретное авторское имя. Бездоказательным, например, было отождествление М. Н. Покровским автора Н. п. и автора «Сказания, киих рад грех. . .» *Авраамия Палицына* как писателей, близких к посадской верхушке («буржуазии»), только лишь на основании якобы идейно-художественного сходства этих памятников, отражавших «провиденциалистическое объяснение событий» и пользовавшихся рифмованной прозой (П о к р о в с к и й М. Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 351, 398).

С. Ф. Платонов выступил с предположением, что автором Н. п. мог быть скорее всего «дьяк Новгородской чети Григорий Елизаров, ушедший из Москвы от поляков в Троицкий монастырь» (Очерки. . . С. 480—481, 632—633, примеч. 200). Это мнение поддерживали А. А. Назаревский (Очерки. . . С. 40—41, 149) и П. А. Садиков (Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 412). Однако Платонов не дает развернутой характеристики Г. Елизарова как автора Н. п. А. А. Назаревский привлекает для подтверждения этого предположения некоторые исторические материалы, акты и Житие *Дионисия Зобниновского*, архимандрита Троице-Сергиева монастыря, составленное *Симоном Азарьиным* и *И. В. Шевелевым* (Наседкой).

В «Списке думных дворян и дьяков, известных приверженностью к царю Василию Шуйскому» 1610 г. Г. Елизаров помещен в числе «злых шептунов», которые «не хотят государя нашего королевича», и охарактеризован здесь как дьяк «Новгородской четверти», «сам еретик и еретики ему приказаны», «да у него ж многая государева казна, и ведает, где казна, кому роздавана и расхоронена» (АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 310. С. 366—367). Известно также, что к 4 декабря 1610 г. Г. Елизаров уже был смещен со своего места дьяком Андреем Ивановым, которому велено было «сидети большим дьяком в Новгородской чети, на месте Григория Елизарова» (АИЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 392). Среди «пожалований» Сигизмунда III 1610 г. имеется упоминание о замене Григория Елизарова кандидатурой Кирилла Скоробовитцкого: «пожаловали есмя Кирила Скоробовитцкого, велели ему быть в Нижегородцкой чети в думных дияцех, на Григорьево место Елизарова» (СГГД. М., 1819. Т. 2. С. 482).

Согласно Житию Дионисия, после своего смещения Г. Елизаров стал чернецом Троице-Сергиева монастыря, откуда бежал он после 19 марта 1611 г. в Соловки. Кроме того, известно, что в эти годы Дионисий переписывался с Г. Елизаровым (сохранилось известие о его грамоте «чернцу Елизарову, кой прежде был дьяком на Москве Григорей Елизаров в Казанском дворце, а побежал он от живоначальныя Троицы на Соловки от беды и нужды от Литвы и от казаков после разорения Москвы»).

Предположение об авторстве Г. Елизарова подвергает сомнению Я. Г. Солодкин на основании противоречия документальных данных биографии Г. Елизарова, который был разжалован королем Сигизмундом 4 декабря 1610 г., и признания самого автора Н. п., что он у врагов «ныне зело пожалован», а также на основании целого ряда других расхождений биографических сведений о Г. Елизарове и представлений об авторе повести, вплоть до отсутствия Г. Ф. Елизарова в Москве в момент написания Н. п.

Я. Г. Солодкин предполагает, что автором Н. п. был другой приказный дьяк — Марк Иванович Поздеев, и приводит новые актовые материалы из его биографии, на наш взгляд, убедительно подтверждающие эту гипотезу. По собранным и введенным в научный оборот Я. Г. Солодкиным фактам о жизни и деятельности Марка Ивановича Поздеева (конец XVI—середина XVII в.) известно не очень многое, но больше, чем о Г. Ф. Елизарове. М. И. Поздеев — сын дьяка, родом из дворян. (Род Поздеевых записан в синодике московского Успенского собора). Известно, что в 1604 г. он служил в Разряде, однако и позднее продолжал вести приходо-расходные книги государственной денежной («продажной») казны, которая, судя

по следственному делу над Ф. Андроновым, оставалась «у Марка на руках и за его печатью» вплоть до его отъезда из Москвы в 1611 г. В составленном в 1610—1611 гг. боярским правительством списке М. Поздеев числится среди 30 приказных дьяков, служивших тогда в Москве, и лишь он один из них был ранее связан с Троице-Сергиевым монастырем. От 1 июля 1609 г. сохранилось известие о письме к нему из осажденного Троице-Сергиева монастыря от Кузьмы Биликея, в котором тот сообщает об отражении тушинцев и просит занять деньги для своей жены, по-видимому, не зная, что и самому Поздееву (как выясняется из следственного дела 1613 г.) в эту пору жилось довольно трудно и его ссужал хлебом и вином Ф. Андронов. В марте 1610 г. М. И. Поздеев служит в Посольском приказе, где знакомится с Ф. Андроновым, когда тот еще был «мужик» (т. е. до присвоения ему королем Сигизмундом III чина думного дворянина; по мнению Поздеева, так же как и по словам автора Н. п., Андронов был выходцем из смердов). В это время, как Поздеев позже сам говорил на очной ставке в суде, он был дружен с Андроновым, «ел и пил с ним». После низложения царя Василия Шуйского семибоярское правительство хотело Поздеева «в рухляди пытать», но, согласно показаниям Андронова, тот его «отнял» (заступился за него). С приходом к власти польских оккупантов М. И. Поздеев остается в Москве при своей должности. В период своей службы в Москве Поздеев был знаком со старцем Чудова монастыря Марком Константиновым и мог через него многое знать о патриархе Гермогене. Согласно показаниям на суде Андронова, на М. И. Поздеева бывали частые доносы московскому наместнику Гонсевскому («нанос бывал многий Гасевскому»), от которых его якобы спасал Андронов. Из того же следственного дела Андронова известно, что М. И. Поздеев бежал из Москвы в «разоренье», т. е. после 19 марта 1611 г., вместе с приходо-расходными книгами, не отчитавшись в казне, которой по-прежнему продолжал ведать («Марко в разруху и с книгами изгиб», т. е. пропал, забрав с собой и книги). Как многие жители столицы в период «московского разорения», Поздеев бежал сначала в Троицу, а затем примкнул к Первому народно-освободительному ополчению, предводительствуемому *Прокопием Ляпуновым*. 30 июня 1611 г. он подписался на Земском приговоре, т. е. уже стал в ополчении заметной фигурой. В это время он служил в одном из приказов подмосковных «таборов» и приезжал в Москву после освобождения ее от поляков, а потом был послан боярами-воеводами в Кострому. В начале 1612 г. костромичи вновь присягнули на верность королевичу Владиславу, а спустя два месяца новый костромской воевода И. П. Шереметьев и его «советники» не пустили в город отряды Второго ополчения. Какова была позиция Поздеева в это время, точно не известно.

Документы свидетельствуют, что М. И. Поздеев был женат и имел детей, сыновей Ивана и Матвея; о его детях упоминается в челобитной 1634—1635 гг. («Марковы дети Поздеева») и в родословной книге 1646—1647 гг., где назван «недоросль Матвей, сын Поздеев». Последние документальные свидетельства о самом М. И. Поздееве относятся к 31 апреля 1644 г.

Опираясь на акростишие, принадлежащее одному из приказных поэтов 30—40-х гг. XVII столетия, Я. Г. Солодкин делает предположение о причастности М. И. Поздеева к литературной деятельности той поры. Исследованная А. М. Панченко стихотворная «епистолейца» *Ермолая Азанчеева* (Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 49) представляет собой уже ответное М. И. Поздееву стихотворное послание («радостию приях твое прежнее ко мне начертание», — пишет Е. Азанчеев), которыми обменивались между собой представители этой литературной школы. Акростих Е. Азанчеева образует фразу, в которой упоминается «Марк Иванович» («Господарю Марку Ивановичю Ермолка Азанчеев челом биет»), а иной приказной дьяк этого времени с подобным именем и отчеством, кроме Поздеева, неизвестен.

Сопоставляя данные об авторе Н. п. с документальными фактами биографии М. И. Поздеева, занимавшего в период оккупации Москвы поляками видный служебный пост и имевшего отношение к государственной казне, враждебно настроенного к «семибоярщине» и близко знакомого с изменником Андроновым, связанного с Троице-Сергиевым монастырем и Гермогеном, находившегося на подозрении у оккупантов и, наконец, имевшего детей и, очевидно, являвшегося известным литератором, Я. Г. Солодкин приходит к заключению о возможном тождестве этих лиц.

Н. п. сохранилась в единственном списке — ГБЛ, собр. МДА, № 10 (175), представляющем копию с ошибками, и находится в составе сборника XVII в., собранного, очевидно, в Троице-Сергиевом монастыре (Н. Ф. Дробленкова. С. 210—216); текст повести неоднократно издавался, в том числе с разбивкой на ритмические строки.

Изд.: РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. С. 187—218 (1-е изд. СПб., 1892; 3-е изд., испр. по рукописи. Л., 1925); Тотубалин Н. И. Новая повесть о преславном Российском царстве // Скрипиль. Русская повесть. С. 9—28, 169—189, 329—343 (текст и коммент.); Назаревский. Очерки. С. 21—89, 158—183 (исслед. и текст); Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 3—239 (исслед. и текст).

Лит.: Платонов С. Ф. 1) Новая повесть о Смутном времени XVII века // ЖМНП. 1886. Ч. 243 (январь). С. 50—67; 2) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 480—481, 632—633 (примеч. 200); 3) О двух грамотах 1611 года // С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 193—198; то же // Платонов С. Ф. Сочинения. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 1; 4) Древнерусские сказания и повести. . . С. 109—130, 446; то же // Платонов С. Ф. Сочинения. 2-е изд. СПб., 1913. Т. 2; Любомиров П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 265—267; Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.; Л., 1945. С. 116—119 (фотовоспроизведение изд-ва «Mouton», 1969); Долинин Н. П. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века // Науч. зап. Днепропетров. гос. ун-та. 1951. Т. 40. С. 119—122 (Сб. работ ист. ф-та. Вып. 1); Адрианова-Перетц В. П. Литература 1580—1610-х годов: Возникновение и расцвет историко-публицистической повести // ИРЛ II. Т. 1. С. 268—270; Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 103—113.

Н. Ф. Дробленкова

О изведении царскаго семени, и о смятении земли, и о прелести некотораго растриги черньца, еретика и богоотметника православныя веры християнскыя, отступника ангельскаго образа, Гришки Богданова сына Отрепъева, галиченина родом, а в мире имя ему Георгей — сказание (далее: С.) это опубликовано в 1895 г. С. Ф. Платоновым по единственному известному списку из сборника первой половины XVII в. ГБЛ, Музейное собр., № 12 (3141).Определить точное время его создания сложно. Трудности вызваны не только тем, что в самом тексте нет сведений об авторе, месте и времени появления произведения, но и тем, что утеряно его окончание. С. обрывается начальными словами заключающего его, как считал С. Ф. Платонов, рассказа о перенесении мощей царевича Дмитрия в Москву. С. могло появиться и по окончании Смуты, и сразу после описанных в нем событий. Последнее предположение возникает в связи с тем, что это произведение написано на основе «*Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*» и «*Сказания о Гришке Отрепьеве*». С. построено по схеме этих памятников, но дает краткое освещение только основных моментов первого этапа Смуты: захвата после смерти наследников *Ивана Грозного* престола *Борисом Годуновым*, появления и царствования Лжедимитрия I, его свадьбы и восстания в Москве против него и поляков. Зависимость С. от указанных источников проявляется и в конкретных деталях. Так, например, в рассказе о поведении

в Москве Лжедимитрия и поляков имеются текстуальные заимствования из «*Сказания о Гришке Отрепьеве*». Описание «ада» — «гуляй-города», изготовленного самозванцу для «потехи», очень близко подобному описанию в «Повести, како восхити. . .».

С. Ф. Платонов считал, что «легендарным характером в сказании отличается только одна подробность». Он имел в виду рассказ о том, что во время восстания москвичей поляки совсем не оказали сопротивления: «сущим безоружным, точию з дреколием и камением их побиваху, а урешающе они воинскую свою збрую сами на себя руками подаваху». Но автор С. в данном случае проявил самостоятельность только в том, что постарался изобразить эту картину как можно нагляднее. Сама «неумелая гипербола», как определил С. Ф. Платонов искажение действительных обстоятельств победы москвичей, заимствована автором из «Повести, како восхити. . .».

С. следует источникам и в трактовке действий Лжедимитрия. В нем неоднократно подчеркивается единственная, по мнению автора, цель самозванца — «разорити православную християнскую веру, в люторскую веру превратити». Разрушение этого замысла Лжедимитрия, папы римского и польского короля определяет идейное содержание С.

При всей зависимости от источников С. является произведением несомненно оригинальным. Своеобразие ему придает авторская самостоятельность в суждениях о людях и событиях, характер отбора материала и форма его изложения. Автор С. совсем не придерживается идейной направленности источников, в которых ставилась задача агитации за непопулярного царя Василия Шуйского. Он вообще обходит вопрос об избрании царей, считая появление на русском троне разных людей результатом их собственных усилий. Не в пример источникам, где подробно и в похвальном тоне повествуется о роли Василия Шуйского в подготовке и осуществлении восстания 17 мая 1606 г. и об избрании его царем, в С. он упомянут всего лишь один раз и притом скороговоркой: «И потом бысть в Московском государстве в Российской земли християнские веры царьскаго корени остался сродич, государь царь и великий князь Василий Иванович, всеа Руси самодержец». Такое отношение к Василию Шуйскому свидетельствует о том, что автор С. не был его сторонником.

С другой стороны, в С. проявилась важнейшая особенность литературных произведений конца Смутного времени. Если авторы «Повести, како восхити. . .» и «Сказания о Гришке Отрепьеве» делят людей только на *хороших и плохих*, то в С. «О *изведении царскаго семени. . .*» обнаруживаются зачатки представления о человеческом характере, объединяющем противоречивые качества. Автор пытается обрисовать Бориса Годунова с различных сторон. При общей негативной характеристике человека, который обвиняется в преступном осуществлении замысла «царское семя извести», автор нашел нужным отметить в его характере и положительную черту. Возможность для этого давали активные попытки Бориса Годунова помочь населению Москвы во время трехлетнего голода: «. . .та же три лета он, царь Борис, показа милостыню велию. . . и много гладных прокормил».

Особенностью С. является стремление его автора к бóльшей, чем в источниках, точности и конкретности. Он тщательно, иногда с точностью до часа, датирует события, старательно отмечает длительность царствования всех царей после Ивана Грозного. Благодаря его умению видеть происходящее своими глазами, С. представило «ад» — «гуляй-город» в ином качестве, во всех других источниках не отмеченном. Устрашающее оформление «ада» использовалось, видимо, не только в военных целях, но и в мирных развлечениях, которые имели характер театрализованных действ, хотя и с религиозным значением: «И выйдут из него люди в личинах, дияволом претворени, наметкы у них черныя, что у черниц, и почнут смолою и дехтем людей мазать и шелепугами почнут бить, да в деготь омачивая, а иные изо ада водолейками прыскаху воду з дехтем на мир».

в Москве Лжедимитрия и поляков имеются текстуальные заимствования из «*Сказания о Гришке Отрепьеве*». Описание «ада» — «гуляй-города», изготовленного самозванцу для «потехи», очень близко подобному описанию в «Повести, како восхити. . .».

С. Ф. Платонов считал, что «легендарным характером в сказании отличается только одна подробность». Он имел в виду рассказ о том, что во время восстания москвичей поляки совсем не оказали сопротивления: «сущим безоружным, точию з дреколием и камением их побиваху, а урешающе они воинскую свою збрую сами на себя руками подаваху». Но автор С. в данном случае проявил самостоятельность только в том, что постарался изобразить эту картину как можно нагляднее. Сама «неумелая гипербола», как определил С. Ф. Платонов искажение действительных обстоятельств победы москвичей, заимствована автором из «Повести, како восхити. . .».

С. следует источникам и в трактовке действий Лжедимитрия. В нем неоднократно подчеркивается единственная, по мнению автора, цель самозванца — «разорити православную християнскую веру, в люторскую веру превратити». Разрушение этого замысла Лжедимитрия, папы римского и польского короля определяет идейное содержание С.

При всей зависимости от источников С. является произведением несомненно оригинальным. Своеобразие ему придает авторская самостоятельность в суждениях о людях и событиях, характер отбора материала и форма его изложения. Автор С. совсем не придерживается идейной направленности источников, в которых ставилась задача агитации за непопулярного царя Василия Шуйского. Он вообще обходит вопрос об избрании царей, считая появление на русском троне разных людей результатом их собственных усилий. Не в пример источникам, где подробно и в похвальном тоне повествуется о роли Василия Шуйского в подготовке и осуществлении восстания 17 мая 1606 г. и об избрании его царем, в С. он упомянут всего лишь один раз и притом скороговоркой: «И потом бысть в Московском государстве в Российской земли християнские веры царьскаго корени остался сродич, государь царь и великий князь Василий Иванович, всеа Руси самодержец». Такое отношение к Василию Шуйскому свидетельствует о том, что автор С. не был его сторонником.

С другой стороны, в С. проявилась важнейшая особенность литературных произведений конца Смутного времени. Если авторы «Повести, како восхити. . .» и «Сказания о Гришке Отрепьеве» делят людей только на хороших и плохих, то в С. «О изведении царскаго семени. . .» обнаруживаются зачатки представления о человеческом характере, объединяющем противоречивые качества. Автор пытается обрисовать Бориса Годунова с различных сторон. При общей негативной характеристике человека, который обвиняется в преступном осуществлении замысла «царское семя извести», автор нашел нужным отметить в его характере и положительную черту. Возможность для этого давали активные попытки Бориса Годунова помочь населению Москвы во время трехлетнего голода: «. . .та же три лета он, царь Борис, показа милостыню велию. . . и много гладных прокормил».

Особенностью С. является стремление его автора к бóльшей, чем в источниках, точности и конкретности. Он тщательно, иногда с точностью до часа, датирует события, старательно отмечает длительность царствования всех царей после Ивана Грозного. Благодаря его умению видеть происходящее своими глазами, С. представило «ад» — «гуляй-город» в ином качестве, во всех других источниках не отмеченном. Устрашающее оформление «ада» использовалось, видимо, не только в военных целях, но и в мирных развлечениях, которые имели характер театрализованных действ, хотя и с религиозным значением: «И выйдут из него люди в личинах, дияволом претворени, наметки у них черныя, что у черниц, и почнут смолою и дехтем людей мазать и шелепугами почнут бить, да в деготь омачивая, а иные изо ада водолейками прыскаху воду з дехтем на мир».

Бóльшая, по сравнению с другими произведениями, конкретность достигается в С. за счет повышенного внимания к бытовым подробностям и топографии Москвы и ее окрестностей. В С. старательно отмечаются детали, которые другим авторам представлялись либо незначительными, либо общеизвестными. Во многих произведениях тот факт, что Лжедимитрий поселился в царских палатах, вообще не упоминается. В С. же это не только отмечается, но сопровождается указанием, какие именно помещения занял самозванец: «И постави себе хоромы и многия светлицы велми красны на набережных полатах и терем основал». Для писателей, рассказывавших о восстании против Лжедимитрия, обычно было достаточно сообщения об убийстве его в кремлевских палатах. С. указывает место более определенно: «И сего окаянного еретика и богоотступника Гришку Отрепьева убили вверху, в палате крайней от Боровицких ворот». Место сожжения тела Лжедимитрия в других источниках обозначено точно — «на месте, нарицаемом Котле», но С. и здесь содержит уточнения: «тело его предали огню на реке на Котле промеж курганов».

Стиль С. заметно отличается от стиля его источников. Прежде всего, здесь почти нет обычной для всех произведений Смутного времени риторики и цитат из патристики. В С. всего два кратких риторических обращения автора к читателям и лишь одна, опять же краткая, цитата из Псалтыри.

В отличие от других современных ему литературных памятников в С. в меньшей степени ощущается влияние книжного языка. В некоторых местах наблюдается воздействие на язык сказания разговорной речи. Особенно заметно это в описании «ада». По содержанию оно ничем не отличается от рассказа об «аде» в «Повести, како восхити. . .», где дана такая картина: «Егда же разверзет челюсти своя, и изовну его яко пламя предстоящим ту являетца, и велие бряцание исходит из гортани его, . . .и изо ушию якоже пламяни распалившуся» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 164). Тем не менее описание «ада» в С. являет собой разительный контраст, ибо вместо языка церковной и агиографической литературы здесь использован язык фольклорных произведений, русской сказки: «Как станет зевать и глазы мигать, и колокольцы шумят, изо рта огнем пашет, из ушей дым идет».

В С. отсутствуют обычные для литературы начала XVII в. элементы стиля «плетения словес» и сложные синтаксические конструкции. Этот факт, а также менее книжный, чем в источниках, язык, отсутствие риторики, привлечение фольклора объясняются, вероятнее всего, не сознательным выбором стилистических средств, а меньшей по сравнению с другими писателями этого времени образованностью автора С. Отсюда и неудачные в грамматическом смысле выражения, иногда затемняющие смысл сказанного. Например, в С. говорится, что венчался Лжедимитрий с Мариной Мнишек «в четверг на третьей недели по Пасце, канон великаго чюдотворца Николы». Смысл этой фразы раскрывается при обращении к «Повести, како восхити. . .»: «в четверг. . . против пятка и против памяти чюдотворца Николы».

Автор плохо представляет себе разницу между вероисповеданием и национальностью иностранцев. Следуя за источниками, он повторяет их ошибку и еще больше усугубляет ее, расширив перечисление представителей различных, по его мнению, вероисповеданий: «И введе с нею в церковь многих поганых всяких вер людей, лютарей, ляхов, латынь, колвенцов, немец».

Одна из главных особенностей С. раскрывается в объяснении причин Смуты. Все без исключения литературные памятники о Смутном времени объясняют и общие, и частные причины социально-политического кризиса божьим наказанием за грехи русского народа. В С. эта тема ослаблена настолько, что почти незаметна. Слова о греховности встречаются лишь один раз: «И в та же времени божиим попущением и нашего ради согреше-

ния. . . воздвижеся. . . некто еретик. . . Гришка Отрепьев». Они сказаны мимоходом, как формула, необходимая по общепринятым правилам, когда речь идет о первом самозванце. Они связываются только с появлением Лжедимитрия, причем он послан в наказание не народу, а Борису Годунову. Все остальные события в С. объясняются вполне сознательными действиями людей. Такой взгляд на события, а также все остальные отличительные признаки С. заставляют исключить его автора из числа писателей аристократического происхождения и духовного звания. Он, безусловно, москвич и, вероятно, выходец из среды мелких служилых людей. Литературные занятия не были, видимо, для него привычным делом. Тем не менее определенная начитанность и несомненные литературные способности позволили ему написать произведение, заметно выделяющееся из ряда других памятников начала XVII в. Совпадая по теме, С. расходится с ними в идейном и художественном отношении.

Изд. Платонов С. Ф. Сказание о самозванце по списку Московского Публичного музея № 341 // ПДП. 1895. Вып. 109. С. 3—14.

Лит. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1889—1891 гг. М., 1892. С. 53—57.

Г. П. Енин

О рожении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина. Повесть известна в единственном списке, по которому была опубликована П. Г. Васенко (далее: П. о р.). Она находится в той же рукописи ГПБ, ОЛДП, F.12, в которой содержится единственный список «*Писания о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина*», и расположена непосредственно перед ним. П. о р. была написана не ранее 1620 г. Основным датирующим признаком служит рассказ о Калязинском сражении, заимствованный из «Сказания» *Авраамия Палицына*, которое было закончено в 1620 г.

П. о р. состоит из трех разнородных частей. Основная, самая обширная часть содержит самостоятельно написанный автором П. рассказ о Скопине от рождения князя до начала похода во главе русско-шведских войск из Новгорода на освобождение Москвы. Вторая часть представлена отрывком из «Сказания» *Авраамия Палицына*. Заключает П. небольшое летописное сообщение о поражении русских войск в 1610 г. под Клушиным и захвате Новгорода шведами.

П. о р., хотя и охватывает всю жизнь Скопина, бедна содержанием. Написанная с целью дополнить «Писание», т. е. рассказ только о смерти и погребении Скопина, повествованием о его жизненном пути и подвигах, она представляет собой, в сущности, житие князя. Основная идея П. состоит в том, чтобы представить Скопина в ином, по сравнению с «Писанием», качестве, не столько князем-воином, сколько примерным христианином, выдающимся защитником православия, который призывает прежде всего «крепко по християнской вере стояти и страдати, и за нея умирати». Примечательно, что автор П. о р. отказывается дать Скопину собственную характеристику как воину и полководцу, предпочитая заимствовать ее у Авраамия Палицына. Так же он поступает при описании бедствий, последовавших за неожиданной смертью Скопина, единственного воеводы, способного побеждать врагов. Для этого он воспользовался записями *из какой-то летописи*.

Компилятивный характер П. о р. обусловил ее стилистическую неоднородность. Ее определяющим стилистическим слоем является агиографический. Он обнаруживается с самого начала П. в обычном для житий рассказе о младенческих и отроческих годах Скопина, в которые он проявляет примерное послушание, скромность, незаурядные способности к книжному учению. В соответствии с правилами агиографического жанра усиленное внимание уделяется в П. изображению Скопина как благочестивого князя

на протяжении всей его жизни. Достигается это путем неоднократных упоминаний о его благочестии и при помощи уподоблений ученикам и сподвижникам Христа. Действия князя во время собирания сил для освобождения страны уподобляются деятельности апостолов.

Основная часть П. написана церковно-книжным языком, для нее характерны многочисленные цитаты из ветхозаветных книг и Евангелия.

Полностью заимствованный из «Сказания» Авраамия Палицына рассказ о Калязинской битве вносит в П. типичные для описания боевой ситуации в древнерусской литературе стилистические формулы воинских повестей.

Заключает эту картину стилистической пестроты в П. о р. лаконичное, но насыщенное фактами летописное сообщение под 7118 (1610) г. о Клушинском сражении, измене «немцев»—шведов и овладении ими Новгородом.

П. о р. полностью вошла в состав компилятивной повести о Скопине-Шуйском, опубликованной А. Н. Поповым.

Изд.: Попов. Изборник. С. 379—388; Васенко П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30.

Лит.: Платонов. С. 348—351; Ржига В. Ф. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 91—107; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 44.

Г. П. Енин

Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина, было создано в течение двух-трех лет после неожиданной смерти молодого воеводы в 1610 г. Судя по многочисленным подробностям в рассказе о болезни и похоронах Скопина, а также в характеристиках разных лиц, автор П. был свидетелем этого события.

Темные обстоятельства внезапной смерти полного сил и здоровья князя, который снискал в народе широкую популярность успешной борьбой с поляками, и искреннее сожаление о его кончине вызвали у автора потребность изложить в литературной форме свое отношение к случившемуся. Он более осторожен в объяснении причин смерти Скопина, чем другие современники, прямо обвинявшие царя и его братьев в смерти 23-летнего боярина и воеводы.

Крайне непопулярный и подозрительный царь Василий Шуйский испугался чрезвычайно возросшего в народе авторитета племянника и увидел в нем опасного соперника в борьбе за престол. Его братья, в особенности спесивый и неудачливый в сражениях князь Дмитрий, остро завидовали полководческой славе Скопина. Эти обстоятельства, по свидетельству разнообразных источников, и явились причиной его неожиданной смерти.

Автор П. уклонился от прямого обвинения Шуйских, но выразил свое мнение иначе. Во-первых, он поместил в начале произведения генеалогическую справку, подобную тем, которые сопровождают биографии великих князей в Степенной книге. Он показал в ней, что, как и Василий Шуйский, Михаил Скопин-Шуйский, близкий родственник великих князей и царей Московских, происходит «от единаго великаго князя Александра Ярославича Невского» и тем самым достоин царского места в той же мере, как и Василий Шуйский. Этой же мысли подчинены и другие композиционно-стилистические элементы П.: рассказ о том, как народ, узнав о намерении похоронить Скопина в Чудове монастыре, потребовал положить тело князя в Архангельском соборе, где он «будет и гробом причтен царским и великих князей великие ради его храбрости и одоления на враги и понеже он от их рода и колена»; гиперболизированная всеобщая скорбь, переданная в многочисленных плачах и описательно, — желание присутствовать при погребении Скопина вызвало такое стечение народа, что «торжыща источишася и купилища быша по-

розни. . . и домы порозни быша»; определение Скопина как «столпа. . . Русские земли». Во-вторых, автор П. указывает главного виновника смерти Скопина. Он не говорит о нем ни единого худого слова и не называет прямо, но открывает имя его жены, главной, согласно народной молве, исполнительницы замысла Шуйских. Отравительницей Скопина была дочь Малюты Скуратова, «княгиня, жена князя Дмитрия Ивановича Шуйского Марья».

Стремление создать панегирик Скопину-Шуйскому обусловило широкое использование в П. стилистических средств Степенной книги и княжеских житий, наиболее характерны из которых пышная риторика в похвалах, торжественный книжный язык, многочисленные цитаты из ветхозаветных книг. Связь с житиями прослеживается не только в общем торжественном тоне описания погребения Скопина, но и в конкретных деталях. Лирические плачи жены, матери, народа близки подобным плачам из княжеских житий, которые ведут свое начало от народных похоронных плачей-причитаний. В восклицании Якова Делагарди: «Уже де нашего кормилца и вашего доброхота, Русския земли столпа и забрала, крепкаго воеводы не стало» — использован традиционный для древнерусской литературы прием прославления русских героев устами иностранцев, примером которого служит отзыв чужеземца Андрияша об Александре Невском в житии этого князя.

Еще одним источником П., определившим его жанровое и стилистическое своеобразие, благодаря которому оно выглядит необычным среди литературных памятников эпохи Смуты, послужило устно-поэтическое народное творчество. Так, в П. присутствует характерный для древнерусского эпоса мотив богатырского телосложения — для Скопина не смогли во всех «торгах» подыскать дубовую колоду, соответствующую его росту. Встречаются в П. элементы былинной речи: «Тогда убо стекаются ко двору его множество войска, дружины и подручия его хоробраго».

Главной отличительной чертой П. явилось смелое решение автора ввести в его композицию фольклорное произведение. Центральное по смысловой нагрузке место произведения, где раскрываются причины и обстоятельства отравления и смерти Скопина, заняла народная песня. Она сложилась уже в 1611 г., и в ней народ выразил враждебное отношение к Шуйским, обвинив их в убийстве освободителя страны.

Введение песни в состав П. вызвало нарушение стилевого единообразия панегирика и искажение жанровых признаков произведения. Автор понимал, видимо, это сам, поэтому не назвал его ни повестью, ни похвалой, а дал нейтральное название: «Писание о преставлении и о погребении. . .». Он писал не повесть и не похвалу, а рассказ о взволновавшем его событии — теми средствами и в той форме, которые позволяли ему выразить свои чувства. Такой рассказ не имел аналогий в литературной традиции, поэтому не было и привычного жанрового определения для него.

Как самостоятельное произведение П. сохранилось в единственном списке ГПБ. ОЛДП. F.12, по которому оно было опубликовано П. Г. Васенко в 1904 г. С некоторыми изменениями оно вошло в состав компилятивной повести о Скопине-Шуйском.

Изд.: Попов. Изборник. С. 379—388; Васенко П. Г. **Повести о князе** Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30.

Лит.: Платонов. С. 348—351; Ржига В. Ф. **Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском** // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 81—107; **Адрианова-Перетц** В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 67—96.

Г. П. Енин

Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства был написан летом или осенью 1612 г., в самый сложный момент иностранной интервенции в России. Довольно точная датировка памятника основана на отсутствии в нем сведений об освобождении Москвы в октябре 1612 г. В П. не отразились личные наблюдения автора. События изложены по другим источникам. Этот факт и слова: «Приступите, правоверии людие, иже не видеша сицеваго великия России разорения» — указывают на место происхождения П. Он был написан за пределами Москвы, вероятнее всего в северных районах страны, куда интервенты не дошли.

П. о п. отразил в своеобразной форме усиление антипольских настроений и рост патриотического сознания русского народа. Этот литературный памятник не случайно был написан в виде плача. Древнерусские писатели издавна обращались в тяжелые для России времена к жанру «плачей», который давал возможность с большой эмоциональной силой выразить сожаление о бедственном состоянии страны.

Композиционная схема П. о п. проста. Он начинается обширным, риторического характера введением, в котором автор оплакивает утраченное величие России и ищет причины ее несчастий. В центральной части П., где последовательно излагаются события последних лет, автор называет пагубное, по его мнению, появление самозванцев, «междоусобныя брани», нашествие «иноплеменник», предательство Михаила Салтыкова и Федора Андронова, которые «своими злохищными глаголы Москву прелстиша», захват столицы войсками «злояростного и бесодерзостнаго» гетмана Жолкевского — все это последствия того, что русский народ «бесчисленных бесовских язв исполнишася», а цари «прияша. . . бесовские козни, волшбу и чарование. . ., гордость и злобу возлюбили». За такие тяжкие грехи и наказание последовало беспримерное — ни в каких книгах, написанных богословами, философами и историками, нет «таковаго наказания ни на едину монархию». В небольшом риторическом заключении автор призывает русский народ «просити милости у всещедраго бога», чтобы «он потребил от нас врагов наших» и сохранил «останок рода християнскаго».

Автор П. был хорошо знаком с древнерусской литературой. Это обнаруживается прежде всего в использовании различных источников. Наряду с библейскими книгами, из которых в П. введены и большие цитаты, и отдельные образные выражения, автор знаком с ораторской прозой Древней Руси. При этом автор оказывает подчеркнутое предпочтение языку церковной книжности, что особенно заметно, когда он привлекает документальные источники.

Грамоты патриархов *Иова* и *Гермогена* 1607 г., грамоты 1611—1612 гг., рассылавшиеся по городам из ополчений *Прокопия Ляпунова* и *Д. М. Пожарского* (ААЭ. Т. 2. № 67, 185, 188; Т. 5. № 203; СГГД. Т. 2. № 251), составили основу фактического содержания П. Автор строго следует грамотам в изложении событий и большими отрывками включает их в свой текст. Заимствованный текст он всегда распространяет, амплифицирует за счет украшения его оборотами книжной речи, прежде всего агиографической и дидактической литературы. Наглядным примером может служить характеристика в П. Григория Отрепьева (выделенная часть цитаты введена в заимствованный из грамоты текст автором П.): «Восста предтеча богоборнаго антихриста, *сын тмы, сродник погибели*, от чина иноческаго *и дияконскаго, и преже светлый ангельский чин поверже и отторгнувся от части християнския, яко Июда от пречистаго ангельскаго лика*, и избежав в Полшу, и тамо безчисленных богомерских ересей *скрижали сердца своего наполнил и тмообразную свою душу паки предая в руце сатанины. . .*».

Такого рода изменения сделаны с целью привести заимствования из документальных источников в соответствие с общим стилем пышной похвалы и книжной проповеди, с характерной для этих жанров торжествен-

ной приподнятостью, частыми эмоциональными восклицаниями, риторическими вопросами.

В П. много разнообразных оценочных эпитетов, как одиночных, так и объединенных в синонимические группы. Наиболее заметны они в характеристиках героев: Василий Шуйский — «богоизбранный», Сигизмунд III — «нечестивый», его войско — «бесояростное», а патриарх Гермоген изображен как «непоколебимый же столп благочестия, предивный рачитель христианския веры, крепкий адамант, человеколюбивый отец, премудрый ерарх. . .».

В некоторых местах стиль П. достигает красочности и звучности лучших образцов риторической прозы древнерусской литературы. Многие эпитеты, сравнения и метафоры в патетических обращениях к читателю находят соответствие, в частности, в проповедях *Кирилла Туровского*.

Одной из особенностей П. является присутствие в тексте рифмованных окончаний стоящих рядом отдельных строк:

> яко денница с превысочайшаго небеси спаде
> и ангельския светлости и славы отпаде.

Такие строки встречаются только в той части, где П. опирается на текст грамот. Они появились как результат влияния на общий торжественно-риторический стиль П. стиля грамот времени освободительной борьбы, характерной особенностью которых было украшение прозаической речи вкраплениями из строк с рифмованными окончаниями (Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961. С. 71—78). Переработанные автором П. многие заимствованные из грамот фразы «в новой форме потеряли свою прежнюю выразительность». Это обстоятельство находит объяснение в определенной слабости идейного содержания П. Патриотизм его автора имеет умеренный характер. Он выражен в антипольской позиции, в сожалениях о судьбе Василия Шуйского, в разоблачении предателей, в скорби о несчастиях русского народа. Однако автор не видит иного выхода, кроме всенародного покаяния и молитвы. Он ограничивается только этим призывом, несмотря на то что в ряде других литературных произведений и в грамотах, послуживших ему источниками, уже выдвигалось требование объединения всех сил России для освободительной борьбы с интервентами. Позиция христианского смирения снижала патриотическое звучание П.

Тем не менее П. нашел признание у современников. Он не только переписывался как самостоятельный литературный памятник, но и включался в состав других произведений. Почти целиком П. вошел в «Казанское сказание», которое появилось почти одновременно с П. Отдельные отрывки вошли в состав исторической компиляции второй половины XVII в., сохранившей и его заглавие: «Плач о пленении Московскаго государства, како наведе на ны, грешныя, господь бог праведный гнев свой, грех ради наших беззаконных, и како разорися великая Россия попущением божиим от неверных язык и от междоусобныя брани, и о излиянии крови многия християнския греческаго закона сынов Русских». Под влиянием П. в первой половине XVII в. возник стихотворный «Плач земли Российской», сохранивший его идейное содержание.

Автор П. был явно знаком с правилами ораторского искусства. Это видно из содержания памятника, характера обращений, патетического тона, напоминающих черты проповеди. Признаки устной проповеди проявляются также в обычной для нее композиции, когда основная часть обрамляется риторическим введением и заключением. Эти обстоятельства, а также пристрастие к языку церковной книжности приводят исследователей к единодушному выводу о принадлежности автора П. к духовенству.

Изд. РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 220—234.
Лит.: Платонов. С. 130—147; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 39—40; Назаревский. Очерки. С. 89—103.

Г. П. Енин

Плач о пленении Московского государства, како наведе на ны, грешныя, господь бог праведный гнев свой известен в единственном списке — сборник ГИМ, собр. Уварова, № 896. В рукописи он имеет более пространное заглавие: «Плач о пленении Московского государства, како наведе на ны, грешныя, господь бог праведный гнев свой, грех ради наших беззаконных, и како разорися великая Россия попущением божиим от неверных язык и от междуусобныя брани, и о излиянии крови многия християнския греческого закона сынов руских». Палеографические особенности сборника и запись, оставленная писцом («182 года сентября 1 день о растриге у Трегубова»), позволяют датировать П. 1674 г. Его автор неизвестен.

Содержание П., в котором рассказывается о событиях Смутного времени, свидетельствует о том, что социально-классовая борьба, иностранная интервенция в России в начале XVII в. оставили глубокий след в сознании русского народа и продолжали интересовать русских людей и в новых исторических условиях.

П. — произведение компилятивное. Круг его литературных источников широк, но охватывает только те произведения о Смуте, которые были написаны в первой четверти XVII в. За исключением так называемой повести князя И. М. Катырева-Ростовского и Хронографа редакции 1617 г., все они появились до освобождения Москвы в 1612 г. Автор П. строит свое произведение на заимствованиях из самых первых исторических повестей Смутного времени — «*Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*» и «*Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве и о разстриге Гришке Отрепьеве*», пересказывает «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия*, вводит в П. часть *Жития царевича Дмитрия*, внесенного в Минеи *Иоанна Милютина*, цитирует грамоты 1606 г. Многочисленные заимствования — обвинения *Бориса Годунова* в преступлениях, главным из которых было убийство царевича Димитрия с целью захватить престол, разоблачение первого и второго Лжедимитриев, обличение злодеяний иностранных интервентов — обусловили обличительную направленность П.

Главным источником П., вступлением из которого он начинается и от которого получил свое заглавие, послужил «*Плач о пленении и о конечном разорении Московскаго государства*». Текст последнего, расчлененный на отдельные отрывки, полностью вошел в состав плача 1674 г., поэтому С. Ф. Платонов привлекал его как один из списков для анализа «Плача о пленении и о конечном разорении».

Неизмеримо бóльший объем поздней компиляции по сравнению с памятником 1612 г. и характер заимствований обусловили существенные различия между ними. Они касаются как художественной природы, так и идейного содержания обоих произведений. Лучше всего эти расхождения заметны при сравнении окончания памятников. «П. о пленении и о конечном разорении», написанный в период экономической разрухи, крайне неустойчивой политической ситуации, в заключении передавал чувство отчаяния из-за невозможности что-либо изменить. Форма П. вполне соответствовала выражению этих чувств. Плач 1674 г. почти утратил из-за многочисленных дополнений из других источников жанровые признаки «П. о пленении и о конечном разорении». Известие об освобождении Москвы и избрании на царство *Михаила Федоровича Романова*, которым он заканчивается, делает заглавие компилятивного памятника весьма условным. В этом рассказе, очень беглом и неточном (автор считает, что войско князя *Д. Т. Трубецкого* соединилось с Нижегородским ополчением еще

до похода на Москву, сообщает, что «в три лета едва возмогоша» освободить столицу), автор не скрывает радости по поводу изгнания интервентов из страны. Торжествующий тон совершенно не согласуется с горестным настроением, которое создает текст «П. о пленении и о конечном разорении», включенный в плач 1674 г., противоречит изображенной в нем беспросветности положения страны. Все это свидетельствует о невысоком писательском мастерстве автора плача 1674 г. Выдержки из П. опубликованы в книге С. Ф. Платонова.

Лит. Платонов. С. 130—144.

Г. П. Енин

Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. В древнерусской литературе существовало несколько произведений об осаде и взятии Константинополя турками: повесть, приписываемая *Нестору Искандеру*, «хронографическая» повесть, краткая повесть «О взятии Царьграда от безбожных турчан» и так называемый «Плач о падении Царьграда». К этим источникам восходят поздние переработки — в составе Степенной книги (см.: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, вторая половина. С. 490—504), повесть в составе *Хронографа Русского* в его редакциях XVII в.

Искандеровская редакция известна в единственном списке XVI в. (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 773). Текст не имеет заголовка. В конце повести имеется запись, в которой автором ее назван Нестор Искандер. Повесть начинается рассказом об основании Константинополя, затем следует обстоятельное описание осады и взятия города турками. Завершается текст изложением пророчеств о судьбе Константинополя. Среди литературных источников повести — *Летописец Еллинский и Римский*, из которого заимствованы сведения об основании города и через посредство которого в ней отразилось «*Сказание о создании великия божиа церкви святыя Софеа*». Кроме того, в повести использованы «*Откровение*» *Мефодия Патарского*, апокрифическое «Откровение» Даниила, пророчества Льва Премудрого. Отмеченные М. Н. Сперанским параллели с древнерусским переводом «*Истории Иудейской войны*» *Иосифа Флавия* могут свидетельствовать о знакомстве автора повести и с этим памятником.

М. Н. Сперанский предполагал существование общего источника у Троицкого списка (искандеровской редакции) и «хронографической» редакции, текстуально близкой к первой, но более краткой. «Хронографическая» редакция входит в состав многих списков *Хронографа Русского* в его редакции 1512 г., а также читается в сборниках. Обнаружение С. Н. Азбелевым фрагмента «хронографической» редакции в рукописи XV в. (ГПБ, Q.IV.544) позволяет датировать создание архетипного текста повести XV в.

В списках Западнорусской редакции Русского хронографа находится повесть «О взятии Царьграда от безбожных турчан» (нач.: «В лето 6961 обращаше уже в мысли своей Амуратов сын Моамеф. . .»), являющаяся, как установлено В. Ф. Ржигой и Б. М. Клоссом, переводом латинской повести Энея Сильвия, осуществленным *Максимом Греком*. Эта повесть также встречается в сборниках.

В Русском хронографе редакции 1512 г. в качестве заключительной главы читается повествование о взятии Царьграда, получившее в науке условное наименование «Плач о падении Царьграда» (в Хронографе глава называется: «О взятии Цариграда от безбожнаго турьскаго царя Магомета Амуратова сына»; нач.: «Хощу глаголати повесть, еже не точию человеки, но и нечювьственое камение. . .»). Стилистический анализ «Плача» позволяет считать его автором составителя Хронографа.

Кроме того, в сборниках наряду с повестями о взятии Константинополя читаются «Сказание о происхождении Византии», «Сказание о происхождении Царьграда», статья о происхождении «турских царей». Повесть о Царьграде читается и в составе *Летописей Никоновской* (ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 78—108), *Воскресенской* (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 125—144), Голицынского тома *Летописного свода Лицевого*.

Повесть о взятии Константинополя (в искандеровской или «хронографической» редакции) оказала большое влияние на русское историческое повествование XVI—начала XVIII в. Ей подражают «*Казанская история*», «*Летописец начала царства*», «*Повесть книги сея от прежних лет*», приписываемая И. М. Катыреву-Ростовскому, *Авраамий Палицын* в своем «Сказании», составитель одной из переработок «*Повести о начале Москвы*». «Хронографическая» редакция повести вошла в «Скифскую историю» *А. Лызлова* (1692 г.), а через ее посредство в книгу «Историа о разорении последнем святаго града Иерусалима от римскаго цесаря Тита, сына Веспасианова, вторая о взятии славнаго столичнаго града греческаго Константинополя (иже и Царьград) от турскаго султана Махомета втораго» (М., 1713), переиздававшуюся в 1716, 1723, 1745, 1765, 1769 гг. и далее, до начала XIX в. К этому изданию восходит болгарская повесть, встречающаяся в составе «Дамаскинов» второй половины XVIII в. На древнерусских источниках основывался и автор «Истории Царьградской» И. В. Паузе (ум. 1735 г.). В начале XVIII в. сюжетные мотивы повести были использованы автором анонимного сочинения «О зачатии и здании царствующаго града С.-Петербурга» (см.: Предтеченский А. В. Основание Петербурга // Петербург Петровского времени. Л., 1948. С. 42—44). Сюжет «знамения» при основании Царьграда — борьба орла со змеей — широко использовался в памятниках прикладного искусства XVII—начала XVIII в.

Изд.: Яковлев В. Сказания о Цареграде по древним рукописям. СПб., 1868; Попов. Изборник. С. 83—91, 160—165; Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века / Сообщил арх. Леонид // ПДПИ. СПб., 1886. Вып. 62; Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 443—460; Русский хронограф. Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 205—207; Повесть о взятии Царьграда турками // Скрипиль. Русские повести. С. 55—78, 218—243, 386—397; Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 216—267, 602—607.

Лит.: Срезневский И. И. Повесть о Царьграде // Учен. зап. 2-го отд. имп. АН. СПб., 1854. Кн. 1, разд. 3. С. 99—137; Дестунис Г. Новоизданный список повести о Царьграде // ЖМНП. 1887, февраль. С. 366—383; Погодин П. Д. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году // ЖМНП. 1889, август. С. 243—253; Орлов А. С. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. С. 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 4. С. 347—355, 371, 373, 379; а также отд. отт. 3) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 100—130; Соболевский А. И. Эней Сильвий и Курбский // Serta Borysthenica: Сб. в честь засл. проф. имп. ун-та св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911. С. 1—17; Unbegaun B. Les relations vieux russes de la prise de Constantinople // Revue des études slaves. Paris, 1929. Т. 9. N 1—2. P. 13—38; Бельченко Г. П. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 507—513; Ржига В. Ф. Кто перевел краткую повесть о взятии Константинополя турками? // Slavia. Praha, 1934. Roč. 13, seš 1. S. 105—108; Масленникова Н. Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 18. С. 200—202; Смирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // ВВ. М., 1953. Т. 7. С. 50—71; Сперанский М. Н. 1) Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 136—165; М.; Л., 1956. Т. 12. С. 188—225; 2) Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской истории» А. Лызлова // Сперанский. Из истории. С. 211—224; Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 166—184; Азбелев С. Н. К датировке русской повести о взятии Царьграда турками // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17.

С. 334—337; Мамаев К. К. «Видение Царьградское» в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера и его интерпретация в некоторых памятниках прикладного искусства // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 342—352; Клосс Б. М. 1) О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 244—245; 2) Максим Грек — *переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками»* // *Памятники* культуры. Новые открытия. М., 1975. С. 55—61; Моисеева Г. Н. «История царьградская» Иоганна Вернера Паузе — неизвестное сочинение начала XVIII в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 205—210

О. В. Творогов

Повесть 1606 г. — условное заглавие литературного памятника, присвоенное ему С. Ф. Платоновым и принятое в научной литературе. В рукописной традиции П. заглавия не имеет и как отдельное произведение не существует. Она является первой частью так называемого «*Иного сказания*». Определение П. как самостоятельного произведения было сделано С. Ф. Платоновым на основании ее тематической цельности и идейной законченности. Кроме того, завершается П. авторским послесловием и заключительным «*аминь*».

В П. отражены события конца XVI—начала XVII в., с момента смерти царя *Ивана Грозного до избрания на царство Василия Шуйского и* перенесения мощей царевича Димитрия из Углича в Москву 3 июня 1606 г. Заканчивается она выражением радости по поводу воцарения Василия Шуйского и избавления от «вора и еретика» Григория Отрепьева, который послужил орудием божественного возмездия ненавистному для автора *Борису Годунову* за убийство царевича Димитрия и незаконный захват царского престола.

Сравнение П. 1606 г. и «*Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*» показывает, что обе повести являются разными редакциями одного памятника. С. Ф. Платонов ошибочно считал П. 1606 г. первоначальной редакцией (отсюда и указание на время ее написания в заглавии), а «П., како восхити. . .» — ее более поздней сокращенной редакцией. Е. Н. Кушева неопровержимо доказала на основе тщательного текстологического анализа и внимательного изучения источников П. 1606 г. обратную зависимость между краткой и распространенной редакциями памятника: *в 1606 г., вскоре после описанных в повести* событий, была написана «П., како восхити. . .», а много позже — П. 1606 г. Наиболее важным свидетельством позднейшего происхождения распространенной редакции, т. е. П. 1606 г., является использование в ней отрывка из окончательной редакции «Сказания» *Авраамия Палицына*, завершенной в 1620 г. Подтверждает это и датировка «Иного сказания», частью которого является П. 1606 г. В рукописях «Иное сказание» всегда помещается вслед за «Сказанием» Авраамия Палицына. Оно было составлено человеком (в П. 1606 г. есть указание на то, что он был монахом Троице-Сергиева монастыря), который знал «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря, но не был удовлетворен его изложением истории Смуты. Об этом свидетельствует полное заглавие «Иного сказания». Все списки «Иного сказания» относятся к середине или второй половине XVII в., в то время как «П., како восхити. . .» сохранилась в списках первой четверти XVII в.

В П. 1606 г. полностью сохранено идейное содержание «П., како восхити. . .». Она также проникнута ненавистью к Борису Годунову. Целью автора является разоблачение самозванства и вероотступничества Лжедимитрия I и прославление нового царя Шуйского. При этом публицистическая направленность П. усиливается за счет аргументов, почерпнутых из многочисленных и разнообразных по своему характеру источников.

Автор П. 1606 г. умело вводил в текст «П., како восхити. . .» заимствования из других памятников и целые произведения, но все же оставил заметные следы соединения разнородных материалов. Бóльшую часть источников П. 1606 г. составили документы и литературные памятники,

современные «П., како восхити. . .». В их число входят грамоты Лжедимитрия I к москвичам, грамоты о свержении самозванца и избрании Василия Шуйского царем, появившиеся в мае—июне 1606 г. С некоторыми переделками в П. помещен написанный при Василии Шуйском «Извет старца Варлаама». Сцена волхвования Годунова, рассказ об убийстве царевича Димитрия, заключительное сообщение о чудесах святого заимствованы из *Жития царевича Димитрия*, внесенного в Минеи *Германа Тулупова* и написанного вскоре после перенесения мощей царевича в Москву. Автор П. 1606 г. пользовался и другими источниками, но их установить до сих пор не удалось. Некоторые исследователи видят сходство отдельных мест П. с разрядными записями, предполагают влияние на стиль П. литературных приемов авторов различных редакций «*Сказания о Мамаевом побоище*», «*Казанской истории*» и других произведений.

Компилятивный характер П. 1606 г. определил ее художественные отличия от «П., како восхити. . .». Сюжетная стройность и строгое стилистическое единообразие «П., како восхити. . .» оказались нарушенными в результате заимствований из деловой письменности, жития, воинских и исторических повестей. Сохранив публицистическую направленность «П., како восхити. . .», автор П. 1606 г. уделил больше внимания ее литературной занимательности. По мнению Е. Н. Кушевой, описания сражений, внесенные в П. в стиле воинских повестей, «преследуют цель художественно-литературную».

Изд. РИБ. СПб., 1899. Т. 13. Стб. 1—96.
Лит.: Платонов. С. 1—57; Кушева. Из истории. С. 39—61; ИРЛ II. Т. 1. С. 275—277; Еленская А. С. и др. История русской литературы XVII—XVIII веков. М., 1969. С. 25—26.

Г. П. Енин

Повесть душеполезна Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате (середина XVII в.) — нравоучительное сочинение, примыкающее к жанру «видений», с элементами автобиографического повествования. Содержание П. д. — рассказ о нечестивом юноше-иноке, предававшемся пьянству («яко скоту невоздержно живущу»); он получил избавление от пороков и от искушавших его бесов после явления ему архангела Михаила и после посещения по обету Соловков и Костромы. События П. д. приурочены к 1638 г. и излагаются от лица Никодима типикариса, знавшего быт как Соловецкого монастыря, так и Троице-Сергиевой лавры, иноком которой был безымянный герой повести.

Известен уставщик старец Никодим, названный во владельческих записях на рукописных книгах Соловецкого собрания (Месяцеслов XVII в. и Святцы 1645 г. — ГПБ, Соловецкое собр., № 594/575 и 518/499). Уставщику Соловецкого монастыря Никодиму был сдан по приговору церковных властей от 27 июля 1649 г. «под крепкое начало» сосланный в Соловки на покаяние *Арсений Грек*. Никодим был причастен к возникновению *Жития Анны Кашинской*, которое «слогал и писал Соловецкого монастыря старец Игнатей по повелению того ж монастыря уставщика старца Никодима».

Несмотря на дидактизм (согрешение — наказание; покаяние — прощение), П. д. не лишена некоторых литературных достоинств: автор искусно перемещает героя из Троицкой лавры на Соловки и в Кострому; живостью отличаются описание сцен с бесами, а также картина наказания героя. Повесть отражает реальные контакты между Соловками и Троицкой лаврой, отчасти знакомит с бытом Москвы (нищие и юродивые у храма на Кулишках). В литературной истории повести примечательно ее включение в нравоучительные сборники, кроме того, в качестве одной из последних глав — в сборник «*Великое Зерцало*» (ГБЛ, Музейное собр., № 5470). Одним из источников П. д. было *Житие Никодима Кожеозерского*.

Изд. Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 200—210.

Лит.: Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам: (к истории северно-русской литературы XVII в.) // ПДПИ. СПб., 1916. Вып. 188. С. XXVIII—XXIX; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. О текстологическом изучении древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 168; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: XV—XVIII века. М., 1976. Т. 1. С. 78. № 168.

О. А. Белоброва

Повесть известна и удивлению достойна о мощах недоведомаго святаго. . . списано многогрешным попом Иаковом в лето 7143 (1635) г. — переходный тип повествования между «посольской отпиской» и «чудом» от мощей в Крымской земле. Повесть составлена неофициальным участником посольства в Крым Бориса Дворянинова и Андрея Непейцына священником Иаковом и не вошла в деловые отчеты посланника. Известно два списка XVII в. (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 748—1277, л. 461—468 (опубликован) и ГБЛ, собр. Румянцева, № 363, л. 386—393) и копия XIX в. с неустановленного списка XVII в. (опубликован). Повесть отмечена антимусульманской направленностью; автор неоднократно подчеркивает исконную принадлежность Крымской области христианам, благочестие которых иссякло «от насилия татарского». Видно, что автор поражен многочисленностью христианских древностей в Крыму, забытых или поруганных. В Инкермане Иаков описывает в подробностях пещерный храм, его интерьер и стенную живопись, сильно пострадавшую: дважды он сравнивает заинтересовавшую его церковь с псковским храмом. Особое внимание Иакова привлекает разоренная гробница с мощами неизвестного святого. Усилиями Иакова, толмача Юрья Бурнашова и дьячка Силы Кирилова с мощей снята пыль и возложена одежда («срачица, и порты, и саван, и венцы, и калим, и покров»), втайне от татар ночью отпета панихида и отслужен молебен в присутствии русского полоняника Максима Иванова новосильца. Другой полоняник — «белорусец» Василий Хромой поведал, что татары стремились избавить храм от мощей и что мощи возвращались вопреки воле агарян на свое место; он сообщил также, что «гречане, и армени, и жены их, и дети» оказывали почести мощам святого, имя которого неизвестно. В П. рассказывается далее, что мощи не были взяты на Русь, так как неизвестный святой, изображенный в стенописи над гробом, явился одному из участников посольства во сне и запретил это, добавив: «. . . яз убо хощу по прежнему зде учинити Русь». Завершается П. описанием чудес от мощей (исцеление заболевшего Иакова и наказание Максима новосильца, укравшего новые ризы из гробницы) и перечнем прочих христианских святынь Крыма. Неоднократные сравнения крымских христианских древностей с Псковом, возможно, указывают на происхождение Иакова («церковь высечена. . . как во Пьскове у Пречистые Богородицы»; «окошко красное для ради свету, как у Пречистой во Пьскове. . .»)

Изд.: Оболенский М. Сказание священноинока Иакова // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. 2, отд. 2 и 3. С. 685—692 (по списку ЦГАДА); Петровский Н. М. Повесть священника Иакова «О мощах недоведомых» по списку А. И. Соколова // Известия общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1896. Т. 13, вып. 2. С. 48—60 (по неустановленному списку в копии XIX в.).

Лит.: Востоков. Описание. С. 521; Филарет, архиеп. Обзор русской духовной литературы: 862—1720. Харьков, 1859. С. 316; Бережков М. П. Русские пленники и невольники в Крыму // Труды АС 6. С. 360; Бертье-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1910. Т. 28. С. 61; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные победы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 168; Истоки беллетристики. С. 519.

О. А. Белоброва

Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов (в рукописной традиции имеет заглавие: «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти господь бог врага и поругателя, еретика, розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго») первоначально имела заглавие «Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови новаго страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличьскаго». Оба заглавия происходят от одного и того же места в тексте повести: «Видев же сия всевидящее недреманое око Христос, яко неправдою восхити Российския области скифетр, и восхоте ему (Борису Годунову. — *Г. Е.*) отомсти неповинные крови кровопролитие. . . И попусти на него такова же врага и законопреступника. . . от малые чади сынчишка боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева, яков и сам той святоубийца Борис Годунов».

«П., како восхити. . .» известна в двух редакциях. В краткой, первоначальной редакции она существует как самостоятельное произведение, а ее распространенная редакция сохранилась в составе «*Иного сказания*» и была названа С. Ф. Платоновым «*Повестью 1606 г.*». Подробная характеристика списков повести содержится в работах С. Ф. Платонова и Е. Н. Кушевой.

Автор П., современник и очевидец описанных им событий (в пространной редакции повести есть указание на то, что он был монахом Троице-Сергиева монастыря), не стремился к их полному и последовательному отображению. Более того, хотя он утверждает, что все им описанное, кроме рассказа о пребывании Григория Отрепьева за пределами России, «зря своима очима», т. е. обладает абсолютной достоверностью, он далеко не всегда придерживается исторической истины. Это проявляется и в тенденциозном подборе фактов, характеризующих того или иного человека, и в чрезмерном возвеличивании либо в столь же неумеренных обличениях главных героев П. Объяснение этим особенностям П. — ярко выраженный публицистический характер ее содержания. П. стоит в ряду других литературных произведений (*Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге о Гришке Отрепьеве*, *Житие царевича Димитрия*, внесенное в Минеи *Германа Тулупова*), создание которых было частью проводимой правительством Василия Шуйского идеологической кампании. Ее назначение заключалось в агитации за нового царя. Чтобы с большей убедительностью показать право Василия Шуйского на русский престол, автор, его откровенный сторонник, доказывает в обличительном тоне незаконность присвоения царской власти *Борисом Годуновым* и Лжедимитрием I. При этом Годунов и Григорий Отрепьев, с одной стороны, Шуйский — с другой, получают полярно противоположные характеристики. Первые изображаются всегда преступниками и злодеями, Шуйский — как патриот, мужественный борец за справедливость и веру. Их общее противопоставление раскрывается в ходе повествования с помощью оценок религиозно-нравственного и социального свойства. Если Борис, «забы веру», действует по дьявольскому наущению, за что бог его и наказал, а «богомерзкий» Григорий Отрепьев испытал божий гнев за вероотступничество, обман и обещание папе римскому «попрати» православие, то Шуйского бог спасает за его благочестие и праведность, несмотря на преследования и Годуновым, и Лжедимитрием I. Шуйский, как и все его родственники, доверчив, во всем соблюдает «нелицемерную правду» — Годунов и Отрепьев добиваются успеха обманом, «лукавством» и «злоковарными своими умышлении». Василий Шуйский выступает в повести как «приятель» и защитник последних Рюриковичей, препятствующий злым помыслам Годунова и бесстрашно разоблачающий Лжедимитрия, в то время как Годунов — виновник прекращения династии Калиты, ибо его усилиями был умерщвлен не только младший сын *Ивана Грозного*, но

и Феодор Иванович, а Отрепьев «ложно наименова себя» царевичем Димитрием. Особенно подчеркивает автор худородность Бориса и Лжедимитрия, которые происходят «от малые чади», и аристократизм «великого боярина» Василия Шуйского, называя в числе его предков князя Владимира и Александра Невского. П. рассчитана на широкие слои населения, поэтому автор стремится придать своим оценкам объективный характер. Он пытается выдержать однозначность в характеристиках главных героев, показывая отношение к ним народа, но расхождение между действительным положением вещей и выдаваемым им за действительное настолько велико, что он вынужден либо прибегать к прямому искажению фактов, либо отказаться от строгой прямолинейности в изображении главных героев. Именно здесь более всего заметна определяемая политической ориентацией субъективность его взгляда на события. Бориса Годунова он изображает «поругаема от всенароднаго множества и попираема»; народ собирается даже «побити камением» его, а избрание Бориса на царство объясняется исключительно тем, что одних он запугал, других подкупил. Шуйских народ уважает, защищает от преследований Годунова, а Василия Шуйского выбирает на царство «всею Российскою областию», что прямо противоречит действительности и цели самого автора, которая состояла в том, чтобы способствовать признанию Шуйского всей страной. Лжедимитрий I после смерти тоже «ото всех проклинаем и поругаем и попираем», но автор вынужден признать, что в момент появления его в пределах России все русские люди «с радостью ожидаху его», так что «за щитом богомерзкий он не взя ни единоя веси». Более того, несмотря на уверения о всеобщей радости по поводу избавления от Лжедимитрия и избрания Шуйского царем, он не может избежать признания в том, что в стране осталось много приверженцев Лжедимитрия, ибо он написал П. «прочитающим на ползу и память, а прочим зломысленником, рачащим его (Лжедимитрия. — *Г. Е.*) злонравному законопреступлению, дабы пришли во умиление и от таковых лукавствий престали».

Автор сам указал основной источник, который явился для него авторитетным образцом в идейном и художественном плане. Таким источником послужила ему *Хроника Константина Манассии*, составная часть *Хронографа Русского*. В бесконечной борьбе за византийский престол, описанной в хронике, автор увидел аналогию событиям конца XVI—начала XVII в. в России и перенес в свою повесть как соответствующие его мировоззрению личностные оценки, так и стилистические особенности. К ним относятся характерные для Хронографа риторические вопросы и восклицания, усиливающие эмоциональность авторского отношения к происходящему. Еще более заметен в П. хронографический дидактизм, который проявляется в назидательных сентенциях о пагубности и тщетности преступных замыслов Годунова и Лжедимитрия, которые уподобляются «Фоце Мучителю, Констянтину Мотылоимянному и Улияну Законопреступнику», в предупреждении противникам Шуйского о возмездии «и зде, и в будущем веце». Лексика и художественные тропы П. тоже обнаруживают следы заимствований из хроники Манассии, особенно в обличительных эпизодах.

В то же время в П. явственно ощущается влияние Степенной книги, в духе княжеских и царских похвал которой написан идеализированный образ Шуйского. Однако торжественный стиль литературно-исторических памятников XV—XVI вв., вызванный к жизни для прославления величия и могущества Русского государства, утратил свою силу и выразительность в остропублицистическом произведении, отразившем момент крайнего его ослабления и написанном в интересах узкого круга феодальной знати во главе с Василием Шуйским. Уничижительные и хвалебные эпитеты, оскорбительные и возвеличивающие сравнения и метафоры, создающие гиперболизированные образы, носят абстрактный характер и не отразили подлинных черт героев, хорошо известных современникам, которые вполне

осознавали литературную условность и продиктованную публицистической задачей предвзятость автора в характеристиках Шуйского, Годунова и Отрепьева. Наглядным примером этому служит почти иконописный образ Шуйского, благочестивого «первострадальца», «истиннаго заступника и пастыря словесным овцам своим», которого бог захотел за добродетели и «правое его страдание прославити и вышши того учинити». Этот идеализированный образ в П. совершенно не похож на литературные портреты царя, оставленные другими современниками. В них он предстает опытным интриганом, самовластно ставшим царем, человеком малопривлекательным в нравственном отношении, о котором дьяк Иван Тимофеев писал, что он «нечестив всяко и скотолепен, царствова во блуде и пиянствах, и кровопролитиях неповинных кровей» (РИБ. Т. 13. Стб. 390). Все это дало основание В. П. Адриановой-Перетц считать, что применение торжественного стиля XV—XVI вв. в «П., како восхити. . .» характеризует «все признаки эпигонства» (ИРЛ II. Т. 1. С. 277).

Изд. РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 145—176.
Лит.: Платонов. С. 43—58; К у ш е в а. Из истории; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 34; ИРЛ II. Т. 1. С. 275—277.

Г. П. Енин

Повесть некоего боголюбива мужа списана при Макарье митрополите царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, да сие ведяще не впадете во злыя сети и беззакония от злых прельщенных человек и губительных волков, не щадяще души, ей же весь мир не достоин. Прочетше же сие, человецы, убойтеся чары и волхования, творящей скверная богу и грубая, и мерзкая, и проклятая дела.

«П. некоего боголюбива мужа» имеет нравоучительный характер. В ней рассказывается о некоем царе, который царствовал в полном благоденствии до тех пор, пока не прислушивался к чужому мнению. Его беды начались после того, как он попал под влияние любимого «синклита» и «четыредесять чародей», которые клевещут на неповинных людей, чем «смути царя на люди, людей же на царя». Это вызвало наказание свыше, посланное в виде врагов, восставших на царя и осадивших столицу. Прощение царь получает только после длительного покаяния и молитв. Безмятежное царствование восстановилось после сожжения «чародеев».

П. почти не исследована. Предметом специального изучения она стала лишь в статье Р. П. Дмитриевой. Изучение П. затрудняется тем, что она сохранилась только в одном списке в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1570.

До появления статьи Р. П. Дмитриевой все исследователи, так или иначе касавшиеся П., полностью доверяли заглавию и относили ее появление ко времени *Ивана Грозного*, справедливо отмечая при этом ее антибоярскую направленность, характерную для произведений дворянской публицистики. Р. П. Дмитриева выдвинула весьма аргументированное предположение о том, что П. была написана не при Иване IV, а в Смутное время. Первое основание для такого мнения дает анализ состава и палеографическая характеристика сборника № 1570 собр. Погодина.

Сборник составлен из трех рукописей П. М. Строевым, написавшим для него в 1831 г. оглавление. Вся рукопись, в которой находится П., написана на одной бумаге, датируемой по филиграням началом 20-х гг. XVII в. Она включает в себя главным образом произведения исторического содержания и документальные материалы о событиях начала XVII в., преимущественно относящиеся ко времени Василия Шуйского.

Р. П. Дмитриева показывает на конкретных примерах тематическую и идейную близость П. произведениям Смутного времени. Так, в литературе начала XVII в было весьма распространено объяснение злоключений

царей их обращением за помощью к знахарям-«врачам» и чародеям. Главная идея П. — об ответственности людей перед богом за грехи — была свойственна всем без исключения произведениям этого времени. По мнению Р. П. Дмитриевой, П. представляла собой не просто «абстрактно-моральное поучение». Она содержала «более конкретную идею — об ответственности царя перед богом за управление страной». С этой стороны П. также близка произведениям начала XVII в., поскольку именно в них впервые обсуждалось поведение царей.

Особенно заметное сходство Р. П. Дмитриева обнаруживает при сопоставлении «П. некоего боголюбива мужа» с «Повестью о видении некоего мужа духовна». Оно проявляется не только в общей для них идее ответственности за грехи, но и в стилистической близости, а также в одинаковой мотивировке событий.

Главным препятствием для датировки П. началом XVII в. является заглавие самой П., где указано, что она написана для Ивана Грозного. Р. П. Дмитриева справедливо отметила, что писателям начала XVII в. вообще свойствен повышенный интерес к личности Ивана Грозного и событиям времени его царствования. Многие исторические произведения о Смутном времени начинаются рассказом о событиях последних лет правления Ивана Грозного. Кроме того, в литературе начала XVII в. известны произведения легендарно-исторического содержания, так же как и «П. некоего боголюбива мужа», связанные авторской волей с именем Ивана Грозного. Не потеряли в это время своей остроты идеи дворянской публицистики. Наконец, Р. П. Дмитриева отмечает, что в заглавии П. использовано прошедшее время, что вряд ли было возможно при жизни царя.

Некоторые исследователи, основываясь на заглавии, видели в П. аллегорическое изображение времени Ивана Грозного и пытались найти в ее содержании отражение конкретных исторических реалий. И. Я. Порфирьев и В. С. Иконников считали, что главный «губитель» и «чародей» — это медик Бомелий, а царь — Иван Грозный. И. У. Будовниц полагал, что описанные в П. события следует связывать с деятельностью и падением «Избранной рады» и *Сильвестром*. И с этой точки зрения более правомерно относить П. к Смутному времени, прежде всего — ко времени Василия Шуйского.

В П. говорится, что под влиянием ложных наветов чародеев «оскорби царь неповинных различными печалми, и сам от них печаль имяше и страхование». За его неправедность на него восстали враги, причем нет указания на то, что они были чужеземными, — «восташа окрестни гради». Разные авторы начала XVII в. дают подобную мотивировку бедам царствования Василия Шуйского. В близких выражениях излагает события *И. А. Хворостинин*: «. . .царь наш неверстием. . . объят бысть. . ., ложная шептания во уши своя от неискусных приемля, на свое достояние подвижеся и свои люди оскорби»; «И воста каждо от дому своего от градов полских его державы» (РИБ. Т. 13. Стб. 543—544). Дьяк *Иван Тимофеев* сообщает во «Временнике»: «всескипетра градов воздвижь на ся ненависть» (РИБ. Т. 13. Стб. 400).

Обвинения в чародействе и волхвовании тоже подходят больше Василию Шуйскому, нежели Ивану Грозному. Кроме И. А. Хворостинина и Ивана Тимофеева, по словам которого Шуйский царствовал «во вражбах богомерских, ими же мняся во царствии утвердити. . ., чародеяния творя», пристрастие к нашептываниям и колдовству приписывает ему «*Повесть книги сея от прежних лет*»: «К единым же тем тщание имея, которыя во уши его ложное на люди шептаху. . ., и к волхованию прилежая» (РИБ. Т. 13. Стб. 710).

В П. враги царя «до царьствующаго града доидоша, идеже царьский престол» и осаждают столицу длительное время, причем посланные против них царем «южики. . . и воины» переходят на сторону врагов. Такая

ситуация ассоциируется только с осадой Москвы войсками *И. И. Болотникова* и в особенности Лжедимитрия II, к которому присоединились многие русские дворяне и бояре. Сходство ситуаций усиливается еще тем, что изменники безнаказанно возвращаются, когда к царю приходит успех, как это было при освобождении Москвы князем М. В. Скопиным-Шуйским. Это наводит на мысль о создании П. в период между освобождением Москвы в начале марта 1610 г. и свержением Шуйского в июле 1610 г., когда в событиях Смуты установилось временное затишье.

Наконец, в П. есть намек на то, что речь идет о царе, которого выбрали на царство. Об этом напоминает ему глас божий: «Царю, вспомяни, аз избрах тя царя и преславна тя сотворих». Такое напоминание не могло относиться к Ивану Грозному, принадлежавшему к уже «богоизбранному царскому корени» (РИБ. Т. 13. Стб. 6). Оно может быть адресовано лишь выбиравшимся после смерти сыновей Ивана Грозного царям Смутного времени, а принимая во внимание всю совокупность отмеченных признаков, — только Василию Шуйскому.

Своеобразной иллюстрацией содержания П. служит помещенная *в той же рукописи грамота патриарха Гермогена к перешедшим на сторону* Лжедимитрия II русским людям. В ней близким П. языком говорится как раз о тех проблемах и событиях, с которыми отождествляется содержание П.

Все это дает основание считать, что отраженная в П. в аллегорической форме конкретно-историческая обстановка относится к царствованию Василия Шуйского. Содержание П., ее идейные и стилистические особенности обнаруживают заметное соответствие произведениям Смутного времени и позволяют говорить о ее создании в начале XVII в.

Изд.: Повесть о волховании, написанная для царя Ивана Васильевича Грозного // Москвитянин. 1844. № 1. С. 246—249 (текст опубликован с ошибками из-за неверного прочтения отдельных слов); Буслаев. Историческая хрестоматия. Стб. 877—882 (перепечатка из «Москвитянина»).

Лит.: Порфирьев И. Я. История русской словесности. Ч. 1. Древний период. Казань, 1891. С. 601; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1814; Сакулин П. Н. Русская литература. М., 1928. Ч. 1. С. 159—161; Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 218—221; Дмитриева Р. П. К вопросу о месте «Повести некоего боголюбива мужа» в литературном развитии XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 278—283.

Г. П. Енин

Повесть о Бове (Сказания о Бово д'Антона) возникла в средневековой Франции, но впоследствии распространилась по всей Западной Европе. В XVI в. лубочные итальянские издания поэтических и прозаических произведений о Бово проникли в Дубровник (см.: Jireček K. Beitrage zur ragusanischer Literatorgeschichte//Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Т. 21. S. 513—514). Видимо, здесь и был осуществлен перевод П. на сербский язык, что косвенно подтверждается наличием сербизмов в старейшем из известных ныне славянских списков — белорусском списке Познанской библиотеки (см.: Щапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. Часть вторая. М., 1976. С. 82—83). В Познанском списке имеется помета: «из книг сэрпскых». К этому списку (переводу) восходят и русские списки П. о Б.

Повествование о Бове — типичный рыцарский куртуазный роман с обилием приключений, военных схваток, битв, поединков, любовных коллизий. В основном те же черты сохраняет и русская П. о Б., однако от редакции к редакции сюжет и стилистика П. все более сближаются с богатырской сказкой. Сказочных элементов в сюжете П. немало: Бова совершает богатырские подвиги с семи лет, одолевает в битвах десятки

тысяч вражеских воинов, после богатырских подвигов или, напротив, в критические моменты своей судьбы Бова спит по несколько суток сряду; в П. фигурируют такие сказочные атрибуты, как меч-кладенец, богатырский конь, чудовище Полкан — полупес-получеловек, волшебные зелья и т. д.

На Руси П. о Б. получила широкое распространение, по мнению В. Д. Кузьминой, не позднее середины XVI в. В. Д. Кузьмина выделяет четыре редакции П. о Б. Первая представлена упомянутым выше белорусским списком и пятью русскими: ЦГАЛИ, колл. Шляпкина, № 225/476А, 1675 г.; той же коллекции № 226/477, 1670-х гг.; ГИМ, Музейское собр., № 431; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1060; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 611. Три последних списка — XVIII в., причем лишь 3-й и 5-й русские списки полные, остальные — отрывки текста. Пятью списками представлена вторая редакция П. о Б., отличающаяся русификацией языка и незначительными изменениями сюжета, приближающими П. к жанру любовно-авантюрного повествования. Третья и четвертая редакции представлены бо́льшим числом рукописей. При этом замечаются две тенденции изменения сюжета и поэтики П., тесно связанные с теми читательскими кругами, в которых распространялись списки: в крестьянской среде П. о Б. приобретала черты, сближающие ее с богатырской сказкой, в городской — с галантной «гисторией». Известно, что П. о Б. находилась среди «потешных» книг царевича Алексея Петровича («потешная книга в лицах в десть о Бове королевиче»). П. о Б. пользовалась большой популярностью в читательской среде в течение всего XVIII в. М. Д. Чулков приводит слова приказного, живущего перепиской книг, что он уже сорок раз переписал историю Бовы-королевича, дающую ему доход бо́льший, чем переписка драматических произведений (см.: «И то и сьо», 1769, март, неделя десятая). С другой стороны, писатели высокой литературы (А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков) отзываются о П. с высокомерием и презрением.

Начиная со второй половины XVIII в. получают распространение лубочные издания П. о Б., продолжающие выходить вплоть до начала XX в. В. Д. Кузьмина (Рыцарский роман. С. 251—258) сообщает данные о 225 изданиях текста П. и 88 изданиях «забавных листов» с изображением персонажей П. Записано множество вариантов устных сказок о Бове, восходящих к названным лубочным изданиям. К сюжету сказки о Бове обращались русские писатели XVIII—начала XIX в., используя его для политической сатиры, — А. Н. Радищев в поэме «Бова», А. С. Пушкин в стихотворении «Бова (отрывок из поэмы)». В XX в. к сюжету П. обращается А. М. Ремизов (см.: Грачева А. М. «Повесть о Бове Королевиче» в обработке А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 216—222). Перечень списков и библиография указываются: Адрианова-Перетц и Покровская. С. 154—160; Назаревский. Библиография. С. 52—54.

Изд.: Булгаков Ф. Сказания про храброго витезя про Бову Каралевича // ПДП. 1879. Вып. 1. С. 45—81; Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. 2. Славяно-романский отдел // СОРЯС. СПб., 1888. Т. 44. № 3. С 229—305; Прил. С. 129—172, 237—262; Дунаев Б. И. Сказания про храброго витезя про Бову Королевича. М., 1914; Деркач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII столить. Київ, 1960. С. 50—62, 101—128; Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 516—541, 770—771.

Лит.: Бодянский О. М. О поисках моих в Познанской публичной библиотеке // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. С. 27, 29—30; Пыпин. Очерк. С. 244—249; Веселовский. Памятники. Т. 1. С. 100—101 (раздел написан А. Н. Веселовским); Халанский М. К вопросу об отражениях сказания о Бове в сербском эпосе // РФВ. 1889. № 2. С. 260—282; Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 680—692; Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. 1. С. 191—199; Павлова Н. Г. 1) «Рахлейское царство» в сказке о Бове-королевиче // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 127—136; 2) Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры // Звенья. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 513—539; Лотман Л. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 33. Сер. филол. наук. Вып. 2. С. 134—147; Кузьмина В. Д. 1) Сказка

о Бове в обработке А. Н. Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.; Л., 1940. С. 257—291; 2) Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 83—134; 3) Французский рыцарский роман на Руси, Украине и Белоруссии: («Бова» и «Петр Златые Ключи») // Славянская филология. М., 1958. Т. 2. С. 355—396; 4) Русская сказка о Бове королевиче в лубочных изданиях XVIII—нач. XX века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 148—192; 5) Советские сказки о Бове королевиче // ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 3. С. 217—227; 6) Рыцарский роман на Руси: Бова. Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 3—132, 237—264; 7) Бой Бовы с Полканом на муравленых изразцах: (Из истории белорусско-русских связей в первой половине XVII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Т. 23. С. 253—260; Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова» // Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 158—213; Деркач Б. А. З історії перекладної літератури на Україні: (Повість про Бову-королевича) // Радянське літературознавство. 1960. № 2. С. 91—98; Астахова Г. М. Відгомін переказу про Бову-королевича в Російському билинному епосі // Тези доповідей VI Української славістичної конференції. 13—18 жовтня 1964 р. Чернівці, 1964. С. 182.

М. А. Салмина

Повесть о Борисоглебском монастыре близ Ростова — произведение середины XVI в., созданное в местной монастырской среде на основе преданий («еже исперва от древних старець слышяхом, и мало писания обретох») и рассказов более позднего времени («ясно поведа многым нам ростовець мастер церковный каменной здатель Григорей Борисов, делающе зде нам теплую церковь. . .»). По мнению В. О. Ключевского, П. «восполняет отсутствие жития основателей» монастыря Феодора и Павла. П. известна в списке XVI в. ГБЛ, ф. 304, № 782, л. 449—461 под заглавием: «Повесть о Борисоглебъском монастыри от коликых лет и како бысть ему начало» (нач.: «Еже исперва от древних старець слышяхом. И мало писания обретох. . .»). В П. излагается история обители, возникшей в малообжитой местности: «. . .лесы же бысть на сем месте изначала черныа, а дорога проходна к Каргополю, из Бела озера, и из иных градов, к царствующему граду Москве, и к Ростову. . .». В этом произведении отражен процесс роста угодий и владений монастыря и особенно ярко охарактеризована его застройка. Рассказывается, как основатели монастыря Феодор и Павел заботились, «чтобы им в сей пустыни воздвигнути церковь и монастырь строити»; как Сергий Радонежский в 1363 г. выбирал для этого место; как в помощь строителям (среди которых были не только монахи, но «и мирская чядь», «древоделн в помощь делу») явились чудесным образом два воина — Роман и Давид (т. е. Борис и Глеб); как были воздвигнуты деревянные церкви и кельи, как велось в XVI в. каменное строительство.

В кратком тексте П. упоминаются реальные исторические лица: великий князь Дмитрий Иванович Донской; его сын Андрей Дмитриевич Можайский и Белозерский, по разрешению которого отводится место для Никольского монастыря «на усть Ковжи реки»; великий князь *Василий II Темный* и его мать «великия княгине Софья», одарившие Борисоглебский монастырь пожалованием; наконец, *Василий III*, в правление которого была заложена в 1522 г. Благовещенская церковь «с трапезой», а также получена жалованная грамота на земли богатые известью, и т. д. Здесь же названы игумены Борисоглебского и Никольского монастырей в их последовательном порядке, ростовский архиепископ Иван и др. Наряду с именами великих князей и игуменов назван и архитектор ростовец Григорий Борисов, причастный к строительству не только церковных, но и оборонительных крепостных сооружений монастыря, хорошо помнивший местные предания. В литературном отношении П. особенно ничем не выделяется, ее автор явно опирается на агиографическую традицию.

Изд.: Повесть о Борисо-Глебском монастыре, коликих лет и како бысть его начало // ЯЕВ. 1873. № 3. Неофиц. часть. С. 17—21; Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века / Сообщение Хр. Лопарева // ПДПИ. 1892. Вып. 86.

Лит.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 280—281; Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 593; Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках: (по «житиям святых»). М., 1966. С. 146—149.

О. А. Белоброва

Повесть о Валтасаре кралевичи, како служа некоему царю. . . — сказочно-авантюрная повесть, являющаяся русифицированным переводом западноевропейской переработки восточных сказаний о женской неверности и лукавстве. По предположению В. П. Адриановой-Перетц, русский перевод, очевидно, был сделан «до 80-х годов XVII в.» (с. 396).

По тематике, сюжетной коллизии, стилю и типажам героев П. о В. к. близка сказочно-авантюрным повестям второй половины XVII—начала XVIII в. (типа *повестей о Карпе Сутулове и Фроле Скобееве*).

В П. о В. к. объединен новеллистический материал восточной и западноевропейской литературы, и она примыкает к новеллам *«Римских деяний»*, *Фацециям* (ср., например, фацецию «О двух друзех Марке и Шпинелете») и разнообразным западноевропейским переработкам восточных рассказов о женской лукавой любви из сборника «Тысяча и одна ночь».

Имя героя Валтасар-кралевич с именем библейского царя Валтасара Вавилонского (ср. *Повесть о Валтасаре Вавилонском*) имеет лишь случайное совпадение. По композиции П. о В. к. представляет собой соединение четырех новелл, оформленных сказочной сюжетной рамкой, сближающих ее с восточной сказкой. Сюжет П. о В. к. составляют несколько эротических эпизодов из жизни прекрасного и добродетельного королевича Валтасара и его друга царя, которым изменяют их красавицы-жены и сожительница. Темой, объединяющей все эпизоды П., являются женская неверность, коварство и хитрость. Непостоянству жены Валтасара «прекрасной Фларенты» противопоставлена добродетельность купеческой жены; низменность вожделений царской жены подчеркивается ее изменой красавцу-мужу с уродом-ползнем; изощренность женского любовного лукавства проявляет заточенная в башне наложница королевича и царя, сумевшая изменить им обоим с юным отроком; красавице-жене удается обмануть даже царя — оборотня-льва, носившего ее с собой повсюду в виде золотого кольца.

В традиции древнерусского повествования автор П. рассказывает этот занимательный сюжет с целью подтвердить назидательную мораль слов Иоанна Златоуста «о злых женах», «угодницах Сатаны».

Впервые в научный оборот П. о В. к. была введена в 1858 г. А. Н. Пыпиным как новелла из рукописного сборника XVIII в., принадлежащего Забелину (№ 67). И. Н. Жданов исследовал эту П. по списку Пискарева, № 172, описанному А. Е. Викторовым (Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. М., 1871. С. 44). Текст П. о В. к. по списку Пискарева (ГБЛ, собр. Пискарева, ф. 607, № 172, XVII—XVIII вв., без конца) издал в сопровождении краткой библиографии в 1923 г. Н. К. Пиксанов.

Специальное исследование П. о В. к. было предпринято И. Н. Ждановым и С. Ф. Ольденбургом, изучавшим ее в сопоставлении с восточными и западноевропейскими сказочными сюжетами, русскими сказками и былинами. И. Н. Жданов считает П. «русской обработкой» перевода, «занесенного с запада» (с. 5), или «переводной европейской новеллой» (с. 20). Сюжетные параллели к П. о В. к. И. Н. Жданов находит в нескольких разнородных — устных и письменных — восточных, западноевропейских, русских и венгерских источниках: в одном из рассказов «Тысячи и одной ночи» (о братьях Шахриаре и Шахзенане), в переложении этой новеллы итальянским писателем XV в. Джиованни Серкамбо, в 28-й песне поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» (первое печатное издание которой вышло в 1516 г.) и в последующих французских подражаниях этой

песне Ариосто, появившихся в XVI—XVII вв., одно из которых принадлежало Лафонтену, а также в смоленской сказке «О петербургском купце Гулитове и Ваксонском королевиче». Разыскания о каждом этом источнике И. Н. Жданов снабжает основательными библиографическими сведениями по истории изучения произведений, изданиям их текстов и их русских переводов (см. примеч. на с. 15—18, 21). Так как в арабской сказке и ее переложении Серкамбо отсутствует эпизод о тройном сожительстве, а в поэме Ариосто нет заключительного эпизода, И. Н. Жданов определяет П. о В. к. как некий «свод» всех этих сюжетов (с. 19), известных и по арабским и по итало-французским произведениям.

П. о В. к. со смоленской сказкой «О петербургском купце Гулитове и Ваксонском королевиче» расходится только в одном заключительном эпизоде: в сказке повествование о царе — льве-оборотне заменено традиционным сказочным эпизодом о муже-пахаре, носящем за спиной короб с женой и ее любовником. (И. Н. Жданов приводит к этому сказочному эпизоду близкие параллели из венгерской и ингушской сказок). На основе этого сопоставления И. Н. Жданов приходит к выводу о «факте параллелизма книжной повести и народной сказки» и о двух разных, но близких друг другу западных источниках повести и русской сказки (с. 24).

Однако выявление устных и литературных параллелей к сюжету П. о В. к. и установление факта, что арабский вариант рассказа по времени возникновения — древнейший среди них, еще не позволяют наметить конкретные текстологические соотношения между ними и повестью. Возможно, что определить отсутствующее звено, через которое иноземные источники, названные И. Н. Ждановым, могли появиться на русской почве, удастся с помощью изучения судьбы первых русских переводов арабских сказок «Тысячи и одной ночи» и их влияния на древнерусскую литературу и фольклор, а также с помощью изучения истории проникновения в Россию их последующих западных переработок XV—XVIII вв. (через переводы Лафонтена?). Возможно, что литературную историю П. о В. к. удастся также несколько уточнить с помощью списка Забелина, который не привлекался ни к изданию текста П., ни к ее изучению; это тем более важно, так как список Пискарева — дефектный, без конца.

Остается не вполне выясненной и степень оригинальности П. о В. к. Судя по языку русифицированного перевода, создатель П. был искусным и широкообразованным книжником, начитанным в западноевропейской литературе, тонким стилистом и знатоком русского фольклора. П. о В. к. присущи стилистическое разнообразие, сочетание книжного славянизированного языка (с такими традиционными книжными выражениями, как «хартия», «стрельня», «вапы», «ланиты» и проч.) с бытовым просторечием и вкраплениями из живого разговорного языка (например, «жена его озорничает»), следы лексических поновлений западноевропейского происхождения (типа «кралевичи», «рыцари», «Фларента» и проч.) и наличие русской народно-поэтической речи, сказочно-былевого стиля (образов и выражений русских сказок, песен и былин).

Изд. Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 62—63, 86—92.
Лит.: Пыпин. Очерк. С. 289; Жданов И. Н. Повесть о королевиче Валтасаре и былины о Самсоне Святогоре // ЖМНП. 1901. № 5. С. 1—24; Ольденбург С. Ф. 1) О черновой рукописи III части исследования о «Валтасаре» // Сочинения И. Н. Жданова. СПб., 1907. Т. 2. С. 511—512; 2) Отзвук мотива из «Валтасара» в олонецкой сказке // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 565—566; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 163—164; Адрианова-Перетц В. П. Любовно-авантюрные повести // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. Глава XIII, § 1. С. 395—397; Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 222.

И. Ф. Дроблева

Повесть о варяжской божнице входит в число тех новгородских литературных памятников, в основе которых лежат устные легенды местного происхождения. Немцы просили у новгородцев разрешения поставить в Новгороде церковь по своей «вере и обычаю». Новгородцы не согласились на это. Тогда «немецкие послы» по совету посадника Добрыни, которому они дали «посул велик», стали говорить, что если в Новгороде «храму святых верховных апостол Петра и Павла не быти», то будут закрыты православные церкви новгородцев в тех западных городах, с которыми новгородцы ведут торговлю. Приходится просьбу немцев выполнять. Они выбирают для своего храма «место посреди града, в торгу, где стоит церковь деревяна святаго Иоанна Предотечи». Посадник Добрыня приказал церковь Иоанна перенести в другое место, а немцы поставили на этом месте свой храм. За этот поступок посадник Добрыня был жестоко наказан: когда он переезжал в насаде через Волхов, то вихрь поднял насад высоко над водой и обрушил его в реку, посадник Добрыня утонул. Во второй части П. о в. б. (некоторые исследователи склонны рассматривать эту часть как самостоятельную повесть) рассказывается о дальнейшей судьбе немецкой божницы. На стене ее, без благословения новгородского архиепископа, по заказу немцев новгородскими иконописцами был изображен Спасов образ. Однако как только сняли по окончании работы покров с фрески, неожиданно появилась туча и сильным дождем с градом смыло не только фреску со Спасовым образом, но и левкас — грунт под ней.

П. ярко отражает особенности новгородского быта. Новгород был тесно связан торговыми отношениями со многими западными странами, и торговые интересы заставляют новгородцев идти на компромисс с религиозными убеждениями. Сторонникам чистоты веры трудно примириться с этим, и возникает легенда, связанная с находившейся на Торговой стороне города варяжской божницей — римско-католической церковью для приезжих купцов. Церковь эта неоднократно упоминается в новгородских летописях (первое упоминание в Н1Л под 1152 г. — варяжская церковь названа среди девяти церквей, сгоревших во время большого пожара на Торгу). В Н3Л под 1184 г. в сообщении о построении «немецкой ропаты» на месте церкви Иоанна Предтечи рассказывается о чуде с посадником Добрыней. Но данное сообщение поздней новгородской летописи само восходит к легенде о посаднике Добрыне и историческим критерием в данном вопросе служить не может. Тем не менее, как отмечает историк Новгорода В. Л. Янин, «существуют заметные признаки достоверности этой легенды» (Янин В. Л. С. 88, примеч. 173). Посадник Добрыня — исторически реальное лицо: он был последним из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.), умер в 1117 г. В. Л. Янин считает, что ранняя история церкви Ивана на Опоках выглядела так: «Первоначальная деревянная церковь построена при епископе Никите (1096—1107 гг.). В 1110-х годах она перенесена на новое место. В 1127—1130 гг. выстроена в камне при Всеволоде Мстиславиче. В 1184 г. превращена в собор, что неизбежно потребовало создания новой постройки в соответствии с новым характером храма» (Там же). Таким образом, можно предполагать, что в легенде о посаднике Добрыне нашли отражение события 1110-х гг. и легенда, вероятно, возникла в близкое к этим годам время.

П. о в. б. дошла в трех редакциях. Одна из них, по которой П., в сущности, и известна в литературе, датируется довольно точно. В этой редакции — назовем ее условно первой — сказано, что автору историю варяжской божницы рассказал игумен Островского Никольского монастыря Сергий, духовный отец «нынешнего» игумена Спасо-Хутынского монастыря Закхея. Имя Закхея упомянуто в грамоте 1477—1478 гг. (см.: К о р е ц к и й В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 450). Имя Сер-

гия встречается в грамотах 50—70-х гг. XV в. (см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 173, 175). Таким образом, написание этой редакции П. о в. б. уверенно можно датировать серединой—второй половиной XV в. С. О. Шмидт датирует возникновение П. 1440-ми гг., так как именно в это время произошел конфликт немецких купцов с архиепископом *Евфимием II* из-за церкви Петра и Павла. Вторая редакция П. входит в состав *Иоанна Предтечи Жития*, и, как считает издатель этой редакции П. А. И. Никольский, она предназначалась для чтения в церкви во время службы этому святому. По мнению Е. А. Рыбиной, вторая редакция возникла раньше первой. Вопрос этот требует дальнейшего рассмотрения. Третья редакция представляет собой совершенно самостоятельную (вероятнее всего, позднюю) переработку легенды о варяжской божнице. Эта редакция с двумя другими редакциями П. текстуально никак не связана. (Текст этой редакции не издавался, и в работах, посвященных данному произведению, она не фигурирует).

Автор П. о в. б. был близок к демократическим кругам: в произведении очень сильно проявляется антибоярская тенденция — виноватым оказывается посадник, и он один терпит кару (все люди, плывшие с ним в насаде, были спасены).

В настоящее время известно 9 списков П. о в. б.: 6 — первой редакции, 2 — второй редакции и 1 — третьей редакции

Изд.: Карамзин. ИГР. Т. 3. Примеч. 244; Северный архив. СПб., 1827. Ч. 26. С. 196—200; ПЛ. Вып. 1. С. 249—253; Никольский А. И. Сказания о двух новгородских чудесах из Жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя господня // ИОРЯС. СПб., 1907. Т. 12, кн. 3. С. 98—116; Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты // Историко-археологический сборник: (к 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962. С. 319—325.

Лит.: Прозоровский Д. Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892; Лихачев Д. С. Литература Новгорода второй половины XV—первой половины XVI в. // ИРЛ І. Т. 2, ч. 1. С. 375; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; Рыбина Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 79—85; Голышенко В. С. Сборник XVII в. из собрания Института русского языка АН СССР // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979. С. 222.

Л. А. Дмитриев

Повесть об Азове историческая (П. и.) («Повесть и храбрость и мужество атаманов и казаков донского войска о граде Азове, преднаписание о граде Азове и о прихождении атаманов и казаков великого донского войска и о взятии его») — самая ранняя в цикле Азовских повестей (ср. Повести о Азове *особая*, *документальная*, *поэтическая*, *сказочная* — по терминологии А. С. Орлова). Она написана вскоре после взятия донскими казаками Азова в 1637 г.

П. и. — публицистическое произведение, призванное идеологически обосновать необходимость взятия крепости. Для этого автор обращается к историческому прошлому в вводной части «Предписания о граде Азове», излагая полулегендарную историю города, основанного греками. «За согрешения» Азов попал в руки турок, когда христианство пало в Восточных странах — Иерусалиме, Константинополе, по берегам Эгейского, Черного, Азовского морей. Далее автор возвращается к современности, описывая зло, которое приносят турки Московскому государству своими нападениями, разоряя церкви, уводя в плен людей, продавая их в рабство за море. Исторически необходимый захват Азова объясняется исполнением божественной воли, тем, что бог желает наказать неверных и вернуть христианам их город.

Вторая часть — «О прихождении атаманов и казаков великого донского войска» — подробно рассказывает о подготовке к войне в начале апреля 1637 г., о сборе войскового круга в Монастырском яру, рассылке

грамот, прибытии казаков из Запорожья и выборе атаманом Михаила Иванова по прозвищу Татарин.

Третья часть — непосредственное описание осады и взятия Азова — изобилует подробностями, числами, именами, событиями, из которых наиболее интересен эпизод, приведший к казни турецкого посла — грека Фомы Кантакузина и его толмача, отступника Осанки, издевавшегося над казаками, отвозившими из-под Азова в судах тела погибших товарищей: «Тепере де перед нами казаков из-под Азова погибших возят каюками, а станут де возить и бударами». Истинной же причиной казни послужила посылка Кантакузиным тайных агентов в Азов с советом гарнизону спешно послать за помощью в Крым, Тамань и Керчь. Подробно описаны и два подкопа, которые «под град повел» «казак родом немецкия земли именем Иван».

Заключение П. — явление казакам во сне Иоанна Предтечи и богородицы, торопящих их со штурмом и предсказывающих победу, — возвращает читателя к исходной идее: покровительству небесных сил в деле овладения Азовом.

П. написана в агитационных целях. Хотя казаки захватили Азов самовольно, вопреки стремлению Московского правительства сохранить мир с Турцией, они хотели убедить царя Михаила Федоровича в пользе этого шага для Москвы и добиться военной поддержки. Отсюда особое почтение к имени царя, нарочитое упоминание о государеве жаловании — хлебных запасах, денежной и пороховой казне. Сведения, изложенные в повести, достоверны настолько, что она, наряду с войсковой отпиской от 3 декабря 1637 г., может служить историческим источником для изучения осады и взятия Азова. Это подтверждается совпадением части ее текста с казачьими войсковыми документами. Надо думать, что автор хорошо их знал, так как скорее всего был кем-то из дьяков или подьячих казачьей войсковой канцелярии, участвовавших во взятии крепости. Кроме того, он проявил знание истории и литературы — прошлого Азова, истории турецких завоеваний на Востоке, ему известно о последнем византийском императоре Константине, об Александре Македонском, с воинами которого он сравнивает донских казаков. Его начитанность проявилась и в применении им художественных средств, типичных для стиля древнерусских воинских повестей. С другой стороны, тесная связь произведения с реальной жизнью и демократизм автора обусловили проникновение в повесть живой разговорной речи, переходящей местами в ритмическую прозу, тяготеющую к народной поэзии. Так, например, звучит насмешка над казаками осажденных в Азове турок: «Сколько де вам, казакам, под городом Азовом не стоять, а нашего де вам Азова не взять»; «Бывало де вас, казаков, под Азовом градом и не такая сила, а Азову де погибели не было».

Исследователю П. и. — А. С. Орлову было известно около 25 списков памятника, которые он по текстологическим признакам разделил на три группы: 1) нормальная (один вид); 2) распространенная (четыре вида); 3) сокращенная (три вида).

Изд.: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 3—68, 155—165; Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 47—56, 166—187.

Лит.: ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 258—260; Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 113—119.

М. Д. Каган

Повесть о взятии Петром I Азова в 1696 г., с присоединением истории основания Таганрога и Керчинского морского похода в 1699 г., — публицистическое произведение, написанное анонимным автором в первом десятилетии XVIII в., между 1701 и 1707 гг. История взятия Азова представлена в нем несколько односторонне — в основном как результат военных